

Вечный шах

Автор:

Мария Воронова

Вечный шах

Мария Владимировна Воронова

Суд сердца. Романы М. Вороновой

Судье Ирине Поляковой поручают простое, но громкое дело: известный общественный деятель Смутьский по неосторожности убил преследовавшую его поклонницу. Он пытался спасти девушку, а когда это не удалось, явился с повинной. Судья склонна назначить самое мягкое наказание, ведь девушка запугивала семью Смутьского, подсылала к его жене и дочери бандитов... Но верная помощница Ирины Гортензия Андреевна видит в этом деле второе дно, а Ирина привыкла доверять интуиции старой учительницы.

Любовно-психологические романы с яркой детективной составляющей переносят читателей в ретро-времена: в 80-х годах 20 века молодая судья Ирина Полякова и два народных заседателя, которые каждый раз назначаются новые, вершат судьбы. Милосердие, беспристрастность, пытливый ум, а главное – та самая пресловутая женская логика, над которой принято насмеяться мужчинам, позволяет раскручивать такие дела, которые стандартными методами не решить. Описание быта того времени никого не оставит равнодушным, накал страстей, честь и достоинство, которые для героев М. Вороновой не пустые слова – всё это самой высшей пробы!

Мария Владимировна Воронова

Вечный шах

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© М. В. Виноградова, текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2022

* * *

Бывает, что среди спокойной и счастливой жизни ночью вдруг просыпаешься, как от толчка, и понимаешь, что все вокруг чуждое и чужое, в том числе и незнакомец, с которым ты двадцать лет спишь в одной постели. Если ты мужчина, то после такого озарения обычно уходишь на поиски чего-то своего, а если женщина – то в твоей судьбе это мало что меняет. Ты просто вздыхаешь, может быть, тихонько пробираешься в кухню, тоже теперь чужую и незнакомую, хоть ты спокойно приготовишь в ней обед с завязанными глазами, так хорошо знаешь, где что лежит.

Ты завариваешь себе чайку, посмеиваясь над незамысловатым каламбуром «чай от отчаяния», а потом идешь досыпать.

Утром ты вскакиваешь от пронзительного звона будильника, мчишься готовить завтрак, собираешь детей в школу и, сосредоточившись на том, чтобы покрасить оба глаза одинаково, окончательно выкидываешь ночное пробуждение из головы. Если у тебя есть близкая подруга, то она скажет «не выдумывай» и быстро убедит тебя, что человек в твоей постели никакой не незнакомец, а твой родной муж, точно такой же, как и раньше. Так, под увещевания подруг и в повседневных заботах потихоньку забываешь, что живешь не с тем и не так. А ночью мало ли что привидится, в самом деле... Нечистая сила, биоритмы,

блуждающий нерв – любое объяснение подойдет. Редко когда отваживаешься выяснить, что же за человек в действительности рядом с тобой.

Со мной было иначе. Биоритмы и нечистая сила не баловали меня ночными откровениями, увы. Я узнала правду от людей, и мне было отказано в роскоши ее игнорировать. При всем желании я не могла зажмуриться и притвориться, что жизнь идет своим чередом. Меня с мясом вырвали, выкорчевали из иллюзий, хотя я была твердо убеждена, что не испытываю их в отношении своего избранника. Что если есть на свете женщина, которая выходила замуж с трезвой головой, во всей полноте осознавая реальность, то эта женщина – я. Иногда у меня хватает сил улыбнуться этому парадоксу, ведь горькая ирония это, пожалуй, единственное, что невозможно отнять у человека.

Вечером приходит Лиля. Я не приглашаю ее в дом, отдаю конверт с деньгами прямо на пороге и не задаю ни одного вопроса. Вежливость моя тает в кипятке отчаяния, чувствую, скоро я и конверты перестану для нее искать, стану просто кидать в лицо мятые бумажки. Вообще, если вдуматься, дурацкое правило хорошего тона – передавать деньги в конверте, – только создает неловкие ситуации и возможности для обмана, а вот поди ж ты, живет... Наверное, поэтому и живет.

Лиля горбится, прячет деньги в сумочку с добела вытертыми углами и тронутым ржавчиной замком. Смотрит на меня взглядом побитой собаки, улыбается льстиво, жалко. Одета она в какое-то рваньё, на ногах стоптанные босоножки, на левой ремешок возле мизинца оторвался и торчит, как ус. Я не знаю, разыгрывает она для меня спектакль, считая, что своим унижением расплачивается со мной, или она сама по себе такая, да и не хочу знать. Гораздо больше меня беспокоит мысль, что я должна теперь вести себя так же, как Лиля, если хочу и дальше общаться с людьми. Но покамест одиночество мне милее унижения.

Со стариковским кряхтением лязгает замок сумочки, Лиля сгибается еще сильнее и рассыпается в благодарностях. Я говорю, что очень тороплюсь, прощаюсь и захлопываю дверь, не дослушав. Теперь Лиле есть за что злиться на свою благодетельницу, и слава богу. Радостей у нее в жизни еще поменьше, чем у меня. Таков уж закон природы: как бы тебе ни было плохо, всегда найдутся те, кому еще хуже.

Вернувшись в комнату, падаю на диван. Я соврала, спешить мне некуда, только если в булочную. Иногда я специально выхожу за десять минут до закрытия и бегу, гадая, успею или нет. Это единственное, что придает моей пустой жизни остроту и смысл.

Пока в телевизоре ратуют за перестройку, я прикидываю, не дать ли в следующий раз побольше, чтобы иметь повод хоть о чем-то волноваться. Но не уверена, что три дня нищеты и голода до полочки сумеют пошатнуть мою депрессию. Я сижу в ней плотно, как мумия в саркофаге.

Зачем-то я поднимаю телефонную трубку и слушаю длинный гудок. Аппарат работает, просто мне никто не звонит, кроме Лили. Вечером она объявится, снова начнет благодарить, отрабатывать подачку. Я буду отнекиваться, но у меня не хватит духу ей сказать, что деньги я даю не от жалости, не от доброты своей великой, не из любви к мужу, которому я официально верю, единственная во всем мире. И на Никиту мне тоже наплевать. Нет, я помогаю им по одной-единственной причине – мертвым деньги не нужны.

* * *

Ирина Полякова уже неделю жила одна, а все никак не могла привыкнуть возвращаться в пустую квартиру. Казалось диким находить вечером все так, как ты оставила утром, и от прозрачной холодной тишины делалось не по себе. Она не жила одна с тех пор... Да, в общем, никогда она одна не жила, и теперь свобода не то чтобы пугала, а так, была интересна, но неудобна, словно красивое платье не по росту.

За день воздух в квартире нагрелся, Ирина отворила форточки, отметила, что кое-где мебель подернулась тонким слоем пыли, надо бы протереть, но не станешь же, в самом деле, для самой себя стараться. И готовить для себя тоже не будешь, и не потому, что лень, а просто дико.

Улыбнувшись своим бунтарским мыслям, Ирина стянула платье и отправилась в ванную. Это тоже было ново – разгуливать по дому в чем мать родила.

Ирина встала под душ, включив его на полную мощность. Надо пользоваться, пока не перекрыли горячую воду, что домоуправление делает летом с завидным

постоянством. Струи воды стучали по синей пластиковой шапочке, навевали разные приятные мысли. Это сумасшедшее лето скоро пройдет, а там оглянуться не успеешь, как декрет, и минимум на год можно забыть о рабочих неурядицах. Хотя минимум или максимум – это еще большой вопрос. Жизнь может так повернуться, что ей придется стать основной добытчицей в семье.

В июне ее муж Кирилл переболел пневмонией. Официально его болезнь не признали следствием работы на ликвидации Чернобыльской аварии, но лечащий врач при выписке дал направление в санаторий и порекомендовал как следует подумать насчет труда в горячем цеху. Сколько можно испытывать организм на прочность, в конце-то концов? Сейчас Кирилл молодой и сильный, но воздействие вредных факторов не проходит бесследно, когда-то даст о себе знать и перенесенное облучение, и воздействие высоких температур, и пыль, и копоть.

«Мой вам совет, – сказал доктор строго, – оканчивайте университет, трудитесь по своей новой специальности, а физические нагрузки применяйте в виде спорта».

Кирилл пару дней поворчал, подумал, а потом заявил, что в совете врача есть определенный смысл. Перестройка, хозрасчет и самоокупаемость – великие инициативы в масштабе страны, но карман простого работника от них скорее пустеет, чем наполняется. И вообще в последнее время он испытывает странное чувство, будто его держат за дурака, хотя пока не может понять, в чем конкретно это выражается. Наверное, и вправду пора ему переходить на новую степень развития...

«Как раз защищу диплом, пока ты в декрете будешь, – смеялся Кирилл, – и подамся в очную аспирантуру, чтобы три года сидеть с детьми, а ты строй спокойно свою карьеру, раз все у тебя так хорошо получается».

Ирина улыбалась этим утопическим мечтам, а сейчас, стоя под душем, жмурилась и представляла, как они сбудутся на самом деле. Черт возьми, а почему бы и нет? Кирилл всегда зарабатывал не много, а очень много, так что на книжке скопилась весьма солидная сумма, которая позволит ему не чувствовать себя нахлебником все три тощих аспирантских года. Даже без шабашек, которые, кстати, никто не отменял. Естественно, Ирина не позволит ему переквалифицироваться в домохозяйку, будет сама убирать и готовить, как прежде, но на работе сможет спокойно заниматься служебными делами, зная,

что дети разведены по школам и садам и забраны оттуда будут в урочный час.

Соблазнительная перспектива, особенно если учесть, что председатель суда Павел Михайлович не отказался от идеи сделать ее своей преемницей, даже когда она призналась ему, что ждет ребенка.

Конечно, для женщины в первую очередь важна семья, никто не спорит, но что делать, если она чувствует в себе силы для ответственной и важной работы. В конце концов, она рвется на руководящую должность не ради привилегий, нет, спецпаек и гарантированное поступление в престижный вуз для детей – это отговорки, кокетство перед самой собой, потому что женщине неприлично жаждать власти и ответственности, а в глубине души хочется ей именно этого. Даже если бы к должности председателя суда не прилагалось никаких материальных благ, Ирине все равно хотелось бы ее занять.

Если все получится, Кирилл поступит в аспирантуру и три года будет страховать ее с детьми, то она точно справится с работой не хуже любого мужчины. А там Егор повзрослеет и, как ответственный старший брат, будет водить Володю в школу, а этого пока еще неизвестного товарища – в садик. Он мальчик отзывчивый, всегда готов помочь и поддержать.

Ирина даже стала напевать от радости, что, кажется, у нее и вправду получится совместить семью и работу. Все тревоги позади, Кирилл поправился после пневмонии, а из санатория вернется совсем здоровым. Беременность протекает гладко, в консультации ее похвалили за хорошие анализы и дисциплинированность. На работе тоже все складывается отлично, так что есть все основания смотреть в будущее с оптимизмом. Нет, впереди ждут разные неприятности, это естественно, жизнь есть жизнь и по-другому не бывает, но главное, что в семье все здоровы и поддерживают друг друга, а значит, бояться нечего.

Ну не справится она, в конце концов, с работой председателя – вернется на прежнюю должность, да и все.

Тут сквозь приятные мечты и шум воды Ирина уловила какой-то посторонний звук. Прислушалась. Так и есть, в коридоре заливается телефон. Она немножко подождала, но звонки продолжались требовательно и непреклонно.

– Все понятно, – вздохнула Ирина, вылезая из ванны и заворачиваясь в полотенце.

Потратила еще несколько секунд, вытирая ноги, чтобы не оставлять мокрых следов на натертом мастикой паркете, хотя все равно, как ни старайся, а капли с тела попадут на пол и испортят равномерный блеск. Но не подходить себе дороже.

Как она и думала, сквозь треск и помехи пригородной линии послышался мамин голос:

– Ира, что так долго?

– Извини, мам, была в душе.

– Я же всегда звоню тебе в это время, неужели трудно находиться рядом с телефоном?

– Извини, – повторила Ирина, – ты просто вчера звонила, я думала, сегодня уже не станешь.

– Прости, что потревожила тебя, но я полагала, что ты волнуешься о своих детях и хочешь знать, как у них дела. Поэтому взяла на себя труд пройти три километра до станции.

Помехи помехами, а презрительное негодование эта плохонькая линия передавала отлично.

– Что-то случилось?

– Пока, слава богу, ничего, – произнесла мама и так трагически вздохнула, будто точно знала, что в Землю с минуты на минуту врежется огромный метеорит.

Ирина на всякий случай тоже вздохнула.

– Я разобрала платяной шкаф, у тебя там царил просто невообразимый беспорядок, – продолжала мама, – все-таки очень жаль, что я так и не смогла

объяснить тебе, что недопустимо быть неряхой не только снаружи, но и изнутри.

Ирина переступила с ноги на ногу.

– Нельзя распихать вещи по углам и считать себя при этом аккуратной женщиной. Особенно когда у тебя молодой муж. Мужчины, знаешь ли, все видят, и если не говорят, это еще не значит, что они не замечают беспорядка. Тут скомкано, там грязь, и невольно возникает идея, а не найти ли женщину, которая лучше будет справляться с домашним хозяйством. И дети, знаешь ли, никого еще не остановили, тем более что Егор не от него.

– Мам, ты зачем мне это говоришь?

На том конце трубки раздались странные звуки, которые с равной вероятностью могли оказаться и саркастическим смехом, и неполадками в эфире.

– А кто тебе еще скажет правду, если не мать? Кто предупредит?

– Ну я все-таки надеюсь, что Кирилл не уйдет от меня из-за одной неаккуратно сложенной простыни.

– Да у тебя в шкафу разве что змеи не ползают!

– Одна точно заползла, – пробормотала Ирина себе под нос.

– Что?

– Ничего.

– Тебе все шуточки! А потом поздно будет смеяться.

– Тогда и поплачу. Нельзя же все время жить под дамокловым мечом надвигающейся трагедии.

– Ну давай-давай, резвись. Знаешь пословицу: пили-ели, веселились, посчитали – прослезились?

- Мне кажется, там другой смысл.

- Ой, да что я, в конце концов, стараюсь! В детстве-то от тебя все хорошее отскакивало как от стенки, а теперь вообще... Живи как знаешь.

- Мам, а ты завтра пойдешь на станцию? Мне ждать звонка?

После долгой паузы мама проговорила:

- Даже не знаю... Дорога, конечно, для меня уже тяжеловата, но с другой стороны, это единственный способ отдохнуть от Гортензии. Нет, Ирина, ты как хочешь, а я решительно не понимаю твоей странной дружбы с этой старой девой!

- Гортензия Андреевна очень хороший человек.

- Старая дева и партийная дура, ничего больше, - припечатала мама, - и, как истая коммунистка, не умеет отличить свое от чужого. Неужели так трудно понять, что эта дача не ее и ей здесь не рады? Так нет, мало того, что развела цветы, еще имеет наглость давать мне советы, как обращаться с Егором и Володей! Якобы она мне помогает. Но я прекрасно могу и одна посидеть с собственными внуками.

«И не менее прекрасно ты можешь пожить у себя дома», - мысленно огрызнулась Ирина.

Весь июнь Ирина честно отсидела с детьми на даче, почти не навещала мужа в больнице, потому что детям необходим свежий воздух, а кроме того, беременной женщине лучше не ходить по стационарам, чтоб не поймать какой-нибудь особо злой и устойчивый к антибиотикам микроб. Гортензия Андреевна по выходным отпускала ее к мужу, но по большому счету Кирилл во время болезни был предоставлен сам себе, и это до сих пор уязвляло Ирину. Потом отпуск ее кончился, на вахту должен был заступить Кирилл, и он собирался, даже хотел отказаться от путевки в санаторий, Ирина убедила его ехать буквально со скандалом. Вопрос с детьми встал ребром: забирать их на самый жаркий месяц в каменные джунгли не хотелось, но и отдавать на полное попечение Гортензии Андреевне тоже было страшновато. Она человек ответственный, а все-таки пожилой, и не дай бог... Ирина терзалась сомнениями,

но тут неожиданно на помощь пришла мама и заявила, что прекрасно посидит с родными внуками. Ирина с благодарностью приняла предложение, хоть сердце и сжалось от нехорошего предчувствия, и, как выясняется, не зря. Посидит – да, прекрасно – нет.

Отношения с мамой прямо зависят от дистанции. На расстоянии – тепло, чуть ближе – поджаривание на медленном огне. И ведь по сути она права, в шкафу действительно эпический бардак, ибо последнюю стирку Ирина затолкала туда не глаженной. Слава богу, хоть не поддавалась соблазну скрутить все в один ком, сложила каждую простынку по отдельности. Стоял слишком жаркий день, чтобы махать утюгом, а беременная женщина должна беречь себя, но это, конечно, не оправдание. С таких мелочей и начинается падение в пропасть. Сначала забудешь погладить, потом – постирать, а дальше что? Грязью зарастешь, оглянуться не успеешь. Так что надо спасибо маме сказать, что держит дочь в тонусе, а вместо этого всплывают и всплывают в памяти разные глупые детские обидки.

С треском опустив трубку на рычаги, Ирина прямо в полотенце прошла в спальню и легла на кровать. Отеков у нее официально не было, но ноги приобрели некую приятную пухлость, сухожилия на ступнях больше не выпирали из-под кожи, и от ремешка босоножки остался глубокий красный след. Скрутив из покрывала тугий валик и положив под ноги, Ирина закрыла глаза и прислушалась, не зашевелится ли малыш. Конечно, еще рано, но вдруг... Проведя ладонью по животу, она заметила, что он уже довольно прилично округлился, так что вскоре о ее интересном положении догадаются даже самые невнимательные коллеги. Хорошо, что она нашла в себе мужество сразу признаться председателю суда, хотя был сильный соблазн тянуть до последнего, обеспечивая себе еще пару месяцев спокойной работы.

Ирина улыбнулась. Вообще странно протекает у нее эта беременность. Очень странно, особенно если вспомнить, как она нервничала с Егором и Володей, хотя носила их обоих в обстановке полного благополучия. Не происходило абсолютно ничего плохого, жизнь текла размеренно и привычно, а она каждый день придумывала себе новые страхи, и сердце сжималось от ужаса.

А сейчас под напором настоящих трудностей и невзгод ее вечная тревога странным образом пропала. На душе постоянно царит спокойствие и безмятежность, какой она бы не достигла годами занятий по системе буддийских монахов и аутотренинга.

Может быть, это беременность так на нее влияет, а вернее, просто кончилась молодость со своей неумемной жаждой счастья...

«Я спокойна, я абсолютно спокойна...» – нараспев произнесла Ирина модное психологическое заклятие, но, засмеявшись, сама себя перебила.

Аутотренинг, метод прогрессивный, но полуподпольный и оттого прогрессивный вдвойне, завладел умами многих знакомых Ирины, а ей самой представлялся дикой чужью. Иллюзия – она и есть иллюзия, то есть обман, и он, увы, не становится правдой оттого, что ты сам себе его внушаешь. Витя Зейда говорит, что адекватное восприятие реальности и самого себя является главным признаком психического здоровья, но он считается в своих психиатрических кругах весьма недалеким малым, а ребята, придумавшие аутотренинг, ходят в гениях, и неисчислимо множество людей по всей стране повторяют, что их веки тяжелеют, вместо того чтобы заняться чем-нибудь полезным.

Ирина немножко помечтала, как первого сентября позовет в гости Зейду с женой, отметить начало учебного года. Егор пойдет в школу, Кирилл – в университет, Витька – в аспирантуру. В семье получается не просто праздник, а настоящее торжество знаний! Сейчас лето в разгаре и осень кажется далеко-далеко, но время летит так быстро... Оглянуться не успеет, как на деревьях появятся первые желтые листики, пойдут дожди, еще по-летнему шумные, но уже прохладные и затяжные. Небо побледнеет, затянется темными тучами, и придет пора возвращать детей в город.

Приедут они числа двадцать седьмого, чтобы успеть на школьный базар, покупать Егору новую форму, портфель и школьные принадлежности. А учитывая боевитый характер старшего сына, лучше две новых формы, одну носить, а вторую – отремонтировать в ателье. Наберут тонких тетрадок с Маяковским, Некрасовым и Семеновым-Тянь-Шанским на зеленых обложках, солидных тетрадей в сорок восемь листов и обязательно одну в девяносто шесть. Такая толстая Егору еще не нужна, но пусть будет для осознания важности момента. И Кириллу приобретут всякой канцелярии, как первокласснику, шариковых ручек купят штук десять, а то он вечно их теряет. Ну и Володе обязательно возьмут альбом для рисования и карандаши. А может быть, застанут в продаже бумагу для акварели, восхитительно плотную и в то же время воздушную и пористую, от одного взгляда на которую руки тянутся изобразить что-нибудь этакое. И краски «Ленинград» купят, большую коробку в

двадцать четыре цвета, где каждый брусочек запечатан, как ириска, и подписан загадочными словами «кадмий оранжевый», «умбра жженая», «сепия» и другими. А если судьба окажется совсем-совсем на их стороне, то получится найти и восхитительную колонковую кисточку, в форме капли с острым-острым кончиком, которой можно и накладывать щедрые мазки, и прорисовывать самые тонкие детали. Еще у Егора наверняка к осени вырастет нога, придется искать ему весь комплект обуви, из которой беспрепятственно продаются только кеды, да и то не модные. Недавно родной «Красный треугольник» расстарался, выпустил модель, отдаленно напоминающую кроссовки «Адидас». Примерно в такой же степени, как детсадовский рисунок ручки-ножки-огуречик напоминает Витрувианского человека, но все-таки это уже не дремучий совок, какие-то слабые порывы к эстетике присутствуют. Народ обрадовался и такому прогрессу, мгновенно смел новинку с полок, и теперь ее днем с огнем не найти. А Егору надо, чтобы не отставать от приятелей.

Хорошо бы, конечно, где-то достать настоящие фирменные кроссовки, вот будет сыну радость! Настоящая ответственная мать, конечно, сразу увидела бы в этом призрак «вещизма» и из принципа обула бы ребенка в самые страшные ботинки, какие может предложить фабрика «Скороход». Только ради пользы сына, чтобы не прививать ему слишком материальное отношение к жизни и низкопоклонство перед западными буржуазными ценностями. Путь к духовному развитию лежит через аскезу, это известно еще с глубокой древности. Радоваться всяким милым мелочам, ага, сейчас! Не по-нашему это, не по-коммунистически.

Строгие дяди и тети пишут в газетах гневные статьи о том, что лучше недодать, чем передать, ибо лишняя кукла или велосипед это единственное, что способно нанести серьезный урон детской психике, все остальное идет ей только на пользу. Может, и так, но если ребенок в детстве не знал радости от внезапного подарка, то потом он не узнает ее никогда.

Ирина засмеялась, вспоминая, как ей на пять лет подарили детское колечко с зеленым камушком, как они с сестрой решили, изумрудом. Как она была счастлива подарком и долго еще становилось радостно от мысли, что у нее есть кольцо. Через год рука подросла, и папа расширил колечко, потом еще раз, пока камушек не отвалился. Мама тогда увидела, как она плачет, и Ирина долго не хотела признаваться, из-за чего, боялась, попадет, что она расстраивается из-за такой ерунды, но мама отнесла колечко на работу, где к камушку приварили новое кольцо из медной проволоки, и Ирина гордо относилась его всю начальную школу. А после уже ни один подарок не доставил ей такой химически чистой,

сто процентной радости. Разве что обручальное кольцо... Она покрутила на пальце широкий золотой ободок. Да, хочется, чтобы оно было так, но было не так. В этом взрослом настоящем счастье присутствовал горький привкус сожалений о прошлом и тревог о будущем, потому что, кажется, простая истина, что прошлого не изменить, а будущего не угадать, начала доходить до нее только сейчас.

От души потянувшись, Ирина нехотя встала с кровати, надела халат и пошла в кухню ужинать чаем с булочкой и апельсином. Из глубин холодильника неудержимо манила восьмисотграммовая банка венгерского компота, Ирина сглотнула слюну и поскорее отвела взгляд. Эту роскошь она в пятницу отвезет детям. Ни за что не схватит банку, не отвинтит красивую белую крышечку и не начнет жрать столовой ложкой, по-хамски выплевывая косточки. Нет, так она, конечно, не поступит.

Да у нее просто сил не хватит отвернуть крышку, а Кирилл дома нет. Ну и нечего заглядываться! Даже просто надо забыть о существовании этой банки, нет ее, и все. В пятницу только чудесным образом появится.

Беременность не слишком повлияла на пристрастия в еде. Ирине не хотелось классических соленых огурцов или какой-нибудь экзотики, и смешивать несочетаемые продукты тоже не тянуло. Но мимо фруктовых консервов она пройти не могла. Странно, в разгаре лето, в магазинах полно фруктов и овощей, черешней весь июнь торговали на каждом углу, однако она совершенно равнодушно проходила мимо этих кладезей витаминов, но захлебывалась слюной при виде трехлитровой банки томатного сока.

Банка компота посылала призывные сигналы даже сквозь дверцу холодильника, поэтому Ирина села к нему спиной и принялась думать о работе.

А поразмыслить было о чем. Павел Михайлович принял известие о ее беременности без особого восторга, но достаточно спокойно, сделал витиеватый комплимент в том духе, что трудно на целый год оставаться без лучшего сотрудника, но повод слишком приятный, чтобы всерьез об этом сожалеть.

И не успела Ирина выдохнуть, порадовавшись, что ее не отругают за безответственное размножение, как разговор принял неожиданный оборот.

– Советская женщина может все, – улыбнулся Павел Михайлович, – и вы, Ирочка, яркий тому пример.

Поблагодарив за доверие, Ирина хотела уходить из кабинета председателя, но он вдруг мягко придержал ее за локоть.

– Давно хотел с вами кое-что обсудить, – он подвинул стул, приглашая Ирину сесть, – не возражаете?

– Конечно, Павел Михайлович!

– Если мы готовим вас к должности председателя суда, то там необходимо преодолеть один важный, я бы сказал, принципиально важный барьер. Понимаете, о чем я говорю?

Ирина поняла, но промолчала.

– Вам ведь еще ни разу не приходилось приговаривать к высшей мере наказания?

Она отрицательно покачала головой.

– Я знаю, вы в принципе не одобряете смертной казни, но пока эта мера предусмотрена нашим законодательством, вы должны уметь с ней работать.

– У меня были такие процессы, только там подсудимые оказались невиновны.

– Вот! – Павел Михайлович поднял руку с по-учительски выпрямленным указательным пальцем, – полдела, считай, сделано, отрицательная часть опыта у вас уже есть, теперь надо приобрести положительную. Я понимаю, вам это вдвойне тяжело, потому что вы женщина, а поскольку ждете прибавления, то тяжело втройне, в десять раз. Но тем не менее вам абсолютно необходимо преодолеть этот барьер.

Ирина потупилась. Возразить тут было нечего. Она может сколько угодно считать смертную казнь неприемлемой мерой в цивилизованном обществе, может даже выступить на эту тему во время научно-практических конференций,

публиковать статьи в периодической печати, но, пока смертная казнь не отменена, она должна быть готова назначить это наказание.

– Не буду лукавить, Ира, в будущем я хочу видеть в своем кресле именно вас и никого другого, – улыбнулся Павел Михайлович, – но на сегодняшний день вы еще не готовы его занять. Сами понимаете, не назначают заведующим хирурга, не умеющего делать резекцию желудка, верно?

– Конечно, – вздохнула Ирина.

– Мне самому неприятно ставить перед вами такую трудную задачу, зная, что вы носите под сердцем дитя, и сейчас, на вашей нынешней должности, вы можете до пенсии бегать от этой проблемы, страшного в этом ничего не будет. Просто попросите меня не расписывать вам расстрельных дел, и я не стану. Проблема в том, что, когда вы займете мое кресло, ублюдки и маньяки, к большому сожалению, не переведутся, придется их судить если не вам самой, так вашим подчиненным, и в такой ситуации вы обязаны будете поддержать судью, дать ему толковый совет, помочь принять верное решение. Как минимум вы должны понимать, что он думает и чувствует, с какими трудностями сталкивается во время процесса, а это невозможно, если вы сами хоть раз не побываете в его шкуре. Согласны?

Ирина нехотя кивнула, а Павел Михайлович в ответ театрально развел руками:

– Ах, дорогая моя, никуда вы не денетесь от беспощадной диалектики. Врач может всей душой ненавидеть рак и мечтать о его скорейшем искоренении из человеческого обихода, но если пациенту поставлен такой диагноз, то хирург обязан сделать резекцию желудка. Так и у нас... В общем, Ирочка, готовьтесь.

Вот такой сегодня состоялся у нее разговор с руководством. Ирина так задумалась, вспоминая его, что откусила от той половинки булочки, которую хотела оставить на завтрак. Похоже, время до декрета будет трудным, ибо Павел Михайлович в стремлении воспитать себе достойную смену дает ей испытания одно круче другого, как принцесса рыцарю в сказках.

Сейчас в суде затишье, расстрельных дел нет, но Павел Михайлович настоятельно советовал ей не расслабляться, а подойти к судье Дубову Анатолию Ивановичу, имеющему в коллективе самый большой опыт по части

смертных приговоров.

Будет очень полезно, сказал председатель, если они вместе с Анатолием Ивановичем проанализируют его последний процесс. После изучения материалов дела Ирине станет ясно, что высшая мера порой является единственно возможным решением, а главное – что если судья тщательно изучил все доказательства, досконально вник в дело, то смертный приговор не ложится грузом на его совесть, а, напротив, дает сознание исполненного долга.

подавив острый порыв все-таки достать банку компота, Ирина налила себе еще чайку и задумалась о последнем процессе Дубова. Павел Михайлович, пожалуй, прав, дело надо изучить как хрестоматийный образец. вина крепко доказана, с признанием, которое хоть по новым веяниям и не царица доказательств, но все же играет не последнюю роль в формировании внутреннего убеждения судьи, а смертной казни тут даже мало, с какой стороны ни посмотри. Хоть с точки зрения справедливости, хоть из конъюнктурных соображений, ответ один – к стенке.

Родственникам жертв она никогда не объяснит, что отняла у них последнее утешение из-за своего невероятного гуманизма, а вернее сказать, от неуверенности в себе и от страха перед судебной ошибкой. Разве справедливо, если люди будут терзаться, что чудовище, лишившее жизни их детей по своей адской прихоти, живо и, возможно, выйдет на свободу только потому, что судья захотела оставить свою совесть в кристальной чистоте, испугалась необратимого решения?

И с точки зрения общественной морали все не так гладко.

Новое мышление и гласность еще не настолько преобразили страну, чтобы о страшных преступлениях сообщали в печати и по телевизору, но, как всегда, при полном молчании средств массовой информации граждане в курсе, что интересенького творится в криминальном мире, кто кого убил, кто феерично проворовался и кому какой за это дали срок. Недавно прокатилась волна борьбы с торговой мафией, в рамках которой расстреляли многих теневых дельцов, даже одну женщину. А если советское правосудие ставит к стенке расхитителей социалистической собственности, а массовых убийц сажает на пятнадцать лет, то у обывателя закономерно возникает вопрос: что это за государство такое, которое ценит свои денежки выше человеческой жизни?

Нет, Павел Михайлович прав, если прописана в законе смертная казнь, то надо уметь с ней работать. В конце концов, председатель считает Ирину прекрасным специалистом, а всем известно, что если дурное дело должно быть сделано, то делать его должен тот, кто умеет это лучше всего. А что время для ее профессионального роста не самое подходящее, это уже другой вопрос. Беременность не болезнь, не индульгенция и не повод для поблажек.

По ходу трудовой деятельности ей приходится видеть то, что категорически не рекомендуется женщинам в ожидании ребенка, но, как ни дурно это звучит, зрелище мертвых тел, ран и прочего такого давно уже не вызывает в ее душе сильных чувств. Скорбь, недоумение, как одно человеческое существо может сотворить подобное с другим, жалость – но все это на уровне рассудка. Сердце не начинает биться быстрее, к горлу не подкатывает ком, эмоции не захлестывают, стало быть, малыш внутри нее не ощущает, что мама смотрит на что-то плохое. Мама просто работает, а что у нее такой своеобразный труд, так это она, дура, сама себе его выбрала, ибо идти после института юрисконсультком на завод ей, видите ли, показалось скучным.

Эх, знать бы заранее... Ладно, что теперь горевать об упущенных возможностях. Надо сделать как советует Павел Михайлович: подойти к Дубову, который сейчас, кажется, тоже не слишком загружен, и пройти вместе с ним дело Кольцова, не торопясь, вдумчиво, шаг за шагом. Понять логику Анатолия Ивановича, обсудить с ним трудные моменты, где он сомневался, где нет, что помогло принять верное решение. Спросить, что он думал и чувствовал, когда обрекал человека на смерть, и тогда станет понятно, готова ли она сама к такой работе. Не лучше ли отказаться от своих амбиций, пока слишком тяжелый груз ответственности не раздавит ее саму и еще парочку случайных людей за компанию.

Ирина нахмурилась, припоминая обстоятельства дела. Процесс Кольцова шел примерно в то же время, когда она судила пилотов. Кирилл тогда был на ликвидации аварии, она узнала, что ждет ребенка, волновалась за мужа, сомневалась, оставить ли беременность, словом, было не до чужих дел. Но суд над маньяком всегда в центре внимания коллег, так что, даже если не хочешь, кое-какие подробности до тебя доходят.

Все тот же Витя Зейда, работая над диссертацией, советовался с Ириной, поэтому ей пришлось вникнуть в тему гомицидомании (так по-научному называлась страшная темная сила, толкавшая людей на бессмысленные

убийства себе подобных). Изучив те немногие случаи, которые были раскрыты, Ирина обратила внимание, что, как бы кропотливо и тщательно ни велась работа по вычислению маньяка, поимка его почти всегда происходила случайно. Или неподалеку от места преступления находился смелый и сильный человек, или глазастый свидетель, а в редких случаях маньяк настолько терял осторожность, что оставлял на месте убийства вещь, по которой его можно было безошибочно идентифицировать. Классические методы сыска тут работали плохо, потому что преступника и жертву ничего не связывало, чаще всего они просто были незнакомы друг с другом.

Но как ни трудно вычислить маньяка, еще труднее бывает понять, что он вообще существует. Особенно в больших городах. В сельской местности все на виду, все друг друга знают, каждое преступление становится сенсацией на долгое время, там милиционер, работающий в деревне Горелово, полностью в курсе криминальной обстановки в Неелове и в Неурожайке тож. Если сам не додумается, что два убийства подозрительно похожи, так жена или соседка сообразят. А в Ленинграде ты со своими делами еле справляешься, куда тебе еще вникать в проблемы соседей. Так, пробежишь глазами сводку ради формальности, да и все. Если преступник не пользуется каким-нибудь уникальным оружием и не оставляет так называемой визитной карточки, то не больно тебе хотелось сопоставлять способ убийства, пол, возраст и внешность жертв. Тем более когда ты точно знаешь, что за смелые гипотезы о серийном убийце тебя по головке не погладят, а совсем наоборот. К сожалению, из всех известных Ирине маньяков только один оказался настолько любезен, что душил всех своих жертв черной шелковой лентой и оставлял ее на месте преступления. Остальные не были столь тонкими эстетамы, действовали как придется, и проходило очень много времени, иногда десятилетия, прежде чем следователи понимали, что череда убийств совершена одним и тем же человеком. Иногда это выяснялось, когда вместо настоящего маньяка уже сидели или даже были расстреляны другие люди.

Неизвестно, как жизнь изменится с перестройкой, но до недавнего времени ситуация в этой области складывалась как и везде, желаемое старательно выдавалось за действительное. В официальном поле преступность неуклонно снижалась, ибо это социальное явление, порожденное нищетой угнетенных масс, а у нас, слава богу, благосостояние граждан неуклонно растет. Патологические убийцы? Ну это, извините, уникальный случай, редчайшая аномалия, что-то вроде кометы, случайно промелькнувшей на сияющем небосводе советской жизни. Раз – и улетела, больше ты никогда в своей жизни ее не увидишь. Народ как бы верит в это обнадеживающее положение вещей, но

первое, что узнают в семье дети, – это что нельзя заходить в лифт и подъезд вместе с незнакомыми людьми, и тем более с ними запрещено разговаривать, что бы они там тебе ни обещали. Родители, не пуская подростковую дочку на дискотеку, в первую очередь пугают ее именно маньяком, а если женщине приходится поздно возвращаться домой, то муж или отец выходит ее встречать, и боится он не гопников, а именно насильника и убийцу.

Когда Ирина была маленькая, то бабушка совершенно спокойно оставляла их с сестрой возле булочной, и они слонялись под дверями, заглядывая в коляски, где мирно спали младенцы, чьи матери заскочили купить хлеба. И никому не казалось это странным или опасным. Когда у Ирины родился Егор, она не оставляла его без пригляда на улице, но вообще такая практика была еще широко распространена. Возле входа в продуктовые магазины стояли коляски и прогуливались дети дошкольного возраста. Правда, около одного такого магазина висел стенд, где с помощью картинок и стихов описывалось, как ребенок выскочил на проезжую часть и был сбит машиной, пока его мамаша сидела в парикмахерской. Ирине на всю жизнь врезались в память циничные строки «события так развивались, пока завивалась она». То ли жуткий стенд подействовал, то ли что, но, когда она катала в колясочке Володю, оставлять ребенка одного не отваживалась уже ни одна мать. Максимум беспечности заключался в том, чтобы попросить хорошо знакомую мамочку присмотреть за твоим ребенком пять секунд, пока ты сбегашь за хлебом.

То же и со школой. Мама рассказывает, что, когда пришло ее время, родители вручили ей портфель, показали, в какую сторону идти, и больше не возвращались к этому вопросу. Ирина с сестрой тоже ходили как бы самостоятельно, но на буксире у Веры Иосифовны, учительницы математики, жившей с ними в одном подъезде. А вот Егор только к третьему классу после долгой освободительной борьбы отстоял свое право ходить в школу самому, а многих его товарищей еще до сих пор конвоируют родственники. И вопрос тут не в том, кто самостоятельный, а кто нет, просто у поколения родителей Ирины душа была спокойна. Они уходили на работу, зная, что мир ничего плохого не сделает с их ребенком, если этот ребенок будет переходить улицу на зеленый свет и не станет играть со спичками. Что ж, послушные и ответственные дети выросли, обзавелись собственным потомством и понимают, что мир жесток и порой не щадит даже самых послушных. Совсем не обязательно плохо себя вести, чтобы стать жертвой маньяка или водителя-лихача.

Увы, серийные убийцы существуют, как бы ни хотелось официальной науке постулировать обратное, а главная беда в том, что изобличенные маньяки – это лишь верхушка айсберга, страшно предположить, сколько их еще скрывается в темных водах человеческого равнодушия, аппаратных игр и просто-напросто халатности.

Одно преступление осталось нераскрытым и забытым, по второму выбили признание у какого-нибудь дурачка, третье повесили на матерого уголовника, которому уже все равно, убийством больше, убийством меньше, четвертое исхитрились оформить как некриминальную смерть, а маньяк тем временем спокойно планирует пятое.

Это еще когда трупы находят, а если у преступника хватает ума и возможностей избавляться от тел, то тогда вообще благодать. Пропал и пропал человек, мало ли что. Ребенок убежал и где-то беспризорничает, девушка подалась в проститутки, а старый человек просто впал в маразм и забыл дорогу домой, ждите, скоро объявится в каком-нибудь психоневрологическом интернате. Ну и если жертва после нападения остается жива, тоже сто раз подумает, прежде чем идти в милицию, ведь уже сформировано общественное мнение, что там тебя унижат, оскорбят, скажут, что сама напросилась, а преступника искать все равно не будут.

Ирине очень хотелось думать, что она сгущает краски, а на самом деле правоохранные органы укомплектованы исключительно сильными и добрыми дядями Степами, проницательными инспекторами Лосевыми и следователями Рябиниными, мимо которых мышь не проскочит, не то что маньяк, но факты – вещь упрямая. В деле Кольцова понадобилось восемь лет, чтобы понять, что работает патологический убийца, и еще три года ушло на его поимку.

Ирина боялась думать, что легче вынести человеку – безысходное горе или нескончаемое метание между отчаянием и надеждой. Разглагольствования на эту тему от людей, не знавших беды, казались ей кощунственными, а когда она пыталась представить, что чувствуют родственники жертв, ее охватывал такой ужас, что не находилось слов, повседневные заботы и тревоги отодвигались куда-то далеко, и она ясно понимала, что, раз дети живы и здоровы, она абсолютно счастлива.

Когда в семьдесят пятом году пропала десятиклассница Марина Москаленко, сыщики добросовестно отработали все связи девушки, прочесали окрестности, но все безрезультатно. Оперативники продолжали работу, но со временем переключились на более свежие дела, которые жизнь поставляла им в избытке, а поиски Марины не то чтобы совсем забросили, но отодвинули на второй план. Все-таки толчок к возобновлению активной работы по делу дает какая-то новая информация, а ее не было.

Так бы, наверное, все и затихло, но через три года город был потрясен исчезновением всенародно любимой юной художницы Василисы Барановой.

Василиса занималась в изостудии при Дворце пионеров и прославилась своими иллюстрациями к русским народным сказкам. Рисунки действительно были необычайно хороши, сочные, радостные и исполненные в оригинальной манере, сделавшей бы честь и зрелому художнику. Вскоре в Лениздате вышел сборник сказок с иллюстрациями Василисы, потом она оформила еще несколько детских книг, но настоящая популярность пришла к ней после того, как она победила в конкурсе политплаката. Будучи школьницей, Ирина тоже участвовала в таких конкурсах и, как все, рисовала стандартное – голубя мира, глобус в ладонях, перечеркнутую бомбу, и обязательно надпись: «Миру – мир!» Или «Пусть всегда будет солнце!». Умом понимала, что это ничего не значит, просто перевод красок и бумаги, а все-таки было чувство, что делает она это не зря. Пусть на одну миллиардную процента, но все же приближает наступление счастливого времени, когда на всей земле больше не будет войн.

Плакат Василисы был выполнен в виде простого детского рисунка, но с первого взгляда было ясно, что это настоящее произведение искусства. Девочку заметил Советский комитет защиты мира и тут же призвал под свои знамена. Плакат разошелся миллионными тиражами, Василиса выступила на конференции комитета, где произвела такое хорошее впечатление, что ее включили в состав делегации для миротворческой поездки в США как талантливую художницу и выразительницу доброй воли всей советской молодежи.

Казалось, судьба приготовила для этой девочки яркую и интересную жизнь, но однажды вечером Василиса не вернулась домой из Дворца пионеров. Милицейское руководство, узнав, что пропала не простая десятиклассница, а всенародно любимый вундеркинд, санкционировало масштабную поисковую операцию. Ирине довелось в ней поучаствовать вместе с другими студентами юрфака. Им доверили опрашивать жителей домов, расположенных по дороге от

дома Василисы до метро. Поговаривали, что к поискам подключили даже КГБ, но эти ребята если и работали, то, как всегда, негласно. Девушку искали тщательно и долго, народ выдвигал самые безумные версии, вплоть до того, что Василису убили американские империалисты, но в конце концов сошлись на том, что тонкая и нервная девочка не вынесла бремени славы и либо покончила с собой, либо ударилась в бега, чтобы вести беспутную и вольную жизнь. Версия казалась весьма убедительной. Сама Ирина, слава богу, повзрослела немного раньше, чем началась повальная мода на вундеркиндов, в ее время еще не стыдно было быть обычным ребенком средних способностей. Возможно, она просто завидовала одаренным ребятам, но ей казалось неправильным, что общественная установка на всеобщее образование и гармоничное развитие выродилась в преклонение перед гениальными детьми. Понятно, что талант нужно пестовать, а обладателя его всячески поддерживать, потому что дар даром не дается, к нему в придачу идет тонкая душевная организация. Хорошо, когда о вундеркинде заботятся, учитывают особенности его характера, делают поблажки, но если человека превозносят, как нового мессию, и в то же время относятся к нему как к любопытной диковинке, к обезьянке редкой породы, тут даже железобетонные мозги дебила не выдержат, не то что хрупкая психика юного гения...

История эта произвела на ленинградцев большое впечатление. Девочку жалели как родную, многие ощущали что-то вроде иррациональной вины за то, что не разглядели, что Василиса на грани нервного срыва, не поддержали вовремя, не помогли.

В городе ее до сих пор помнят, книги с иллюстрациями Василисы продолжают издаваться, а нарисованный ею плакат обрел вторую жизнь в виде мозаики и украшает стену нового Дворца пионеров, призывая людей жить в мире и согласии.

Мать смирилась с исчезновением Василисы, а отец, давно имевший другую семью, даже пытался по суду признать дочь мертвой, чтобы получить в виде наследства ее гонорары за книжные иллюстрации и плакат, чем вызвал всеобщее осуждение. Получилось у него это или нет, Ирина не знала, ситуация показалась ей настолько грустной и мерзкой, что она предпочла за ней не следить.

В общем, родители Василисы не доставляли хлопот милиции, зато проявился отец Москаленко. Оскорбленный тем, что для его дочери правоохранительные

органы не приложили даже четверти тех усилий, что были брошены на поиски Барановой, он с упорством отчаявшегося человека принялся бомбардировать жалобами все инстанции начиная с начальника отделения милиции вплоть до ЦК КПСС. Действовал Москаленко методично и хладнокровно, отказы и формальные отписки не обескураживали его, он просто складывал их в папочку и заходил на второй круг.

Получив от него очередное письмо, начальство не делало оргвыводов, но по голове исполнителям все же прилетало, ибо должен руководитель как-то излить свое раздражение на то, что вместо важных дел приходится отвлекаться на всякие дразги, и мало-помалу Москаленко прославился как жалобщик-террорист. Его считали сумасшедшим, а Ирина думала, что скорее наоборот, эта деятельность для бедного отца осталась единственным спасательным кругом, что удерживала его на поверхности здравого смысла.

Все понимали, что если Марину не нашли по горячим следам, то через пять лет и подавно ничего не выйдет, но получать горячие приветы из ЦК партии никто тоже не хотел, поэтому с Москаленко говорили очень мягко и приветливо и давали пустые обещания в надежде, что когда-нибудь он угомонится.

Правда приходит к людям разными путями. Горькая ирония в том, что в правоохранительных органах никто не связывал исчезновение Василисы с Мариной, пропавшей за три года до нее, потому что о Москаленко к тому времени все благополучно забыли. Не видел связи и отец Марины, когда в беседе с заместителем прокурора Семеновой, к которой попал на прием в очередной из своих крестовых походов, воскликнул: «Что же это такое, одинаковые девочки, но одну ищут, а на другую наплевать только потому, что она какой-то там плакат не нарисовала!»

Сто сотрудников прокуратуры из ста пропустили бы мимо ушей эту риторическую фразу, но Альбина Александровна Семенова взглянула на фотографию Марины и заметила, что девочки и вправду одинаковые. Москаленко очень походила на Василису, внешность которой была известна каждому ленинградцу по фотографиям в периодической печати и по телевизионным репортажам.

Семенова присмотрелась внимательнее. Действительно, девочки были не настолько похожи, чтобы их можно было перепутать, но обе принадлежали к одному типу внешности, отдаленно напоминая Одри Хепберн.

И снова сто из ста отмахнулись бы от этого совпадения, но Семенова поехала изучать оперативно-поисковые дела обеих девочек, и результаты ее весьма насторожили.

Советская легкая промышленность не особо позволяет женщинам экспериментировать со стилем, ходят в том, что удастся достать, но даже в таких спартанских условиях остается пространство для маневра. И, как ни парадоксально, оно тем шире, чем меньше у тебя доступ к дефициту. Если есть связи, то напялишь финское дутое пальто, шапку-петушок, джинсы и итальянские сапожки и радостно поскачешь по делам, довольная собой, не заморачиваясь гармонией образа, соответствием его твоему типу внешности и внутреннему состоянию. И даже брошенный тебе в спину эпитет «инкубаторская» не испортит тебе настроение. Пусть все так ходят, но это такие все, на которых не стыдно равняться!

Ну а если в твоём распоряжении только чемодан со старыми мамиными тряпками и продукция фабрики «Большевичка», то, приложив фантазию, ты можешь создать из этого оригинальный и даже дерзкий образ. Но на такие эксперименты отваживаются тети постарше, а девочки знают, что это самый верный способ сделаться посмешищем в классе. Марина росла в семье скромного достатка и из того, что могла предложить ей советская легкая промышленность, предпочитала удобные и неброские вещи в спортивном стиле. Девушка занималась туризмом, мечтала стать геологом и ездить в экспедиции и заранее одевалась соответствующе. Парусиновые брючки, кеды, ковбойки, все это покупалось в магазине для подростков «Аленка», на вешалке выглядело устрашающе, но на юной подтянутой фигурке смотрелось даже приятно.

Василиса, как творческая натура, любила некоторую расхристанность, не совсем хиппи, но что-то около того. Мама пыталась с этим бороться, привести дочку к общему знаменателю «белый верх, темный низ», прививала женственность и скромность, но без особого эффекта. Получив от венгерского издания сказок со своими иллюстрациями гонорар чеками, Василиса немедленно помчалась в валютный магазин «Альбатрос», где приобрела джинсы, кроссовки и брезентовую штормовку.

Таким образом, вещи на девочках были совершенно разного происхождения, вида и качества, при этом общий образ спортсменки-комсомолки выходил очень похожим.

Любой сотрудник правоохранительных органов мужского пола не обратил бы на это внимания, но Альбина Александровна была женщина стильная, элегантная, одевалась с большим вкусом и отлично разбиралась в моде.

Теперь следовало понять, совпадение это или между пропажами двух похожих девушек действительно есть связь. Почему отец Марины начал писать жалобы не сразу, как понял, что милиция не собирается больше искать его дочь, а только после пропажи Василисы? Двигала им исключительно обида или какие-то другие резоны? Альбина Александровна задумалась, но, откровенно говоря, все версии причастности папы Москаленко отдавали индийским кинофильмом. Гораздо реалистичнее и страшнее выглядело предположение, что в городе появился маньяк, которого привлекают девушки определенного типа внешности.

Эта версия тоже стояла на очень шатком фундаменте сходства двух жертв, но проверить ее определенно стоило.

Интересно, что на плакатах «Мы придем к победе коммунистического труда!» изображают сурового шахтера в каске и с отбойным молотком, кудрявого строителя, с идиотской ухмылкой укладывающего очередной кирпич в стену коммунистического здания, мощного сталевара, одной левой наклоняющего ковш с раскаленным металлом так непринужденно, будто это чашка чая. Словом, коммунистический труд – это когда на заводе внезапно перевыполнили план на десять процентов. Или героически преодолели трудность, которую не менее героически создали. Или на субботнике пару часиков помахали граблями, а потом зверски напились. В общем, что-то такое эпически прорывное, физически тяжелое и в целом бесполезное.

Ирина никогда не страдала снобизмом и не считала, что нужно обязательно закончить вуз, чтобы быть достойным и культурным человеком. Хороший рабочий приносит обществу больше пользы, чем безграмотный инженер, а воспитание и душевные качества вовсе не зависят от социального положения человека.

Но очень обидно, что такие профессии, где люди трудятся не плакатно, а реально по-коммунистически, то есть отдают все силы и время на благо общества, не ожидая ничего взамен, остаются без внимания. Врачи, которые во время эпидемий гриппа ходят по вызовам до глубокой ночи, хотя их рабочее время давно закончилось, а ночью приезжают в клинику, потому что сложный случай, в котором разобраться могут только они... Учителя, спасающие

малолетних хулиганов от детской комнаты милиции, с риском для жизни пытающиеся вразумить родителей, не вылезаящих из белой горячки... Следователи, вычисляющие маньяков не для галочки, а чтобы дети оставались живы... Пожарные, милиционеры... Судей, которые не спят ночами в поисках истины, Ирина из скромности решила не включать в этот реестр.

Все эти люди знают, что не получают вознаграждения за свою работу, даже обычная благодарность им не светит и скорее всего полученные результаты разобьются об аппаратные барьеры. Знают и все равно делают, потому что для них важнее всего полезный результат, а не признание их заслуг.

Это ли не пример настоящего коммунистического труда? Но поскольку представители этих профессий не принадлежат к рабочему классу, то истинное определение их деятельности стыдливо заменяют эвфемизмами типа «призвание», «святая профессия», «долг».

Но как ни назови, а дело свое Альбина Александровна знала круто и долг понимала очень хорошо. Не получив поддержки руководства, она принялась в свое свободное время методично посещать отделения милиции и беседовать с оперативниками. К шестидесяти годам Семенова не слишком высоко поднялась по карьерной лестнице, но завоевала искреннее уважение и даже любовь коллег. От кого другого бы отмахнулись, но помочь Альбине Александровне считали за честь. Оперативники добросовестно вспоминали собственные дела, справлялись у товарищей, таким образом произошло что-то вроде цепной реакции, в результате которой выяснилось, что после исчезновения Марины Москаленко пропали еще восемь девушек похожей конституции и одетые в спортивно-походном стиле. Кроме этого, у девушек было еще кое-что общее – все они происходили из скромных, но приличных семей и сами, по общему мнению, были серьезными и целеустремленными, имели большие планы. Семь из девяти учились в выпускном классе и готовились поступать в институт, одна, провалившись на экзаменах, работала лаборанткой на кафедре в университете, и одна девушка заканчивала медицинское училище, шла на красный диплом, что позволило бы ей в следующем году стать студенткой мединститута. Всякое, конечно, в жизни случается, но все же очень трудно вообразить достаточно весомый повод, чтобы такие серьезные барышни вдруг ударились во все тяжкие и добровольно ушли из дома.

Собрав информацию, Семенова отправилась к руководству с просьбой объединить дела, но горячего одобрения не встретила. Что неудивительно, ведь

с точки зрения аппаратной культуры самое подходящее время признать существование маньяка – это через две минуты после того, как ты его поймал, а раньше не стоит, чтобы не давать вышестоящему начальству лишний повод себя ругать.

Резоны Семеновой, что для изобличения серийного убийцы необходимо тщательно изучить все случаи в комплексе, искать общие черты и точки соприкосновения, чтобы по ним выстраивать вектор поиска, оказались менее убедительными, чем правила аппаратной игры. Альбине Александровне порекомендовали не фантазировать, ибо все юные девочки хотят быть похожими на актуальный идеал красоты, поэтому выглядят примерно одинаково. И уж точно сто процентов советской молодежи любого пола стремятся натянуть на себя джинсы или наиболее близкий к ним аналог этих классово чуждых буржуазных штанов. А что девочки были якобы хорошие, так поговорка про тихий омут не зря придумана. Просто мерещится уважаемому заместителю прокурора всякая чушь от отсутствия реальных версий, вот и все.

Эта отповедь так подействовала на Альбину Александровну, что у нее случился тяжелый гипертонический криз, после которого она на службу больше не вернулась, решив хоть на склоне лет изведать тихих семейных радостей. Подрастали внуки, мужу за сорок лет совместной жизни надоели пельмени, сосиски и гладильная доска. «Призвание призванием, – рассудила Альбина Александровна, – а любой лоб треснет, если им без конца прошибать стену. На седьмом десятке я еще могу помогать людям, но помогать людям, преодолевая яростное сопротивление этих самых людей, – уже нет. Караул устал».

Ирина тогда была еще молодым и зеленым специалистом, не могла оценить масштаб утраты, но помнила, что коллеги буквально облачились в траур, когда узнали, что Альбина Александровна выходит на пенсию, ведь виза Семеновой – это было нечто вроде знака качества для судьи, гарантия грамотно проведенного расследования и убедительно доказанной вины.

К сожалению, есть такая довольно верная примета, что, если работаешь на износ, работай до смерти, дольше проживешь. Выходить на пенсию – это все равно что быстро бежать и резко остановиться. В силу инерции ты вряд ли устоишь на ногах, споткнешься и грохнешься, так и организм не выносит внезапно наступившего покоя и безделья. Вот и у Альбины Александровны не получилось насладиться семейным уютом. Не прошло и года, как она скончалась от инфаркта.

О ее наработках благополучно забыли до тех пор, пока в пригородном леске не обнаружили труп девушки. Она погибла не меньше года назад, но судебно-медицинская экспертиза определила, что девушка приняла мученическую смерть. Личность установили по студенческому билету института физкультуры имени Лесгафта, сохранившемуся в кармане куртки, и оперативник вспомнил, что когда-то Альбина Александровна спрашивала его о пропавших девушках определенного типа внешности, и эта жертва полностью ему соответствовала. Другие параметры тоже сходились – спортивная одежда, благополучная семья, примерное поведение.

Эта находка также могла бы никак не приблизить поимку маньяка, но, к счастью, следователь, которому поручили дело об убийстве девушки, ненавидел в этой жизни две вещи: работать и портить себе статистику. Он с жадностью ухватился за информацию, которой с ним поделился оперативник, и стал носиться по всей прокуратуре, истошно вопя, что в городе много лет орудует маньяк, а никто не чешется. Не сразу, но все-таки он добился своего – дело у него забрали и передали более опытному коллеге. Наконец версия маньяка стала официальной и приоритетной, но поймать его удалось только через три года, и то благодаря случайности...

Очнувшись от раздумий, Ирина взглянула на часы. Надо же, через десять минут полночь, а она и не заметила, как пролетело время. Пора ложиться, ведь завтра на работу.

Странно, раньше она в одиннадцать вечера еле доносила голову до подушки. Даже кино после программы «Время» не всегда получалось досмотреть, и иногда это бывало так обидно, если шел новый фильм или любимый из тех, что редко показывают. Увлечшись происходящим на экране, Ирина специально садилась в кровати по-турецки, энергично растирала уши, чтобы не заснуть, потом малодушно разрешала себе полежать пять минуточек с закрытыми глазами, и на этом киносеанс заканчивался. Ирина проваливалась в глубокий сон, откуда ее вырывал в семь утра звонок будильника.

А сейчас она живет сама, ни за кем не ухаживает, не устает, поэтому и спать не хочется. Но и фильмы смотреть почему-то настроения нет.

Улегшись в кровать, Ирина погладила подушку Кирилла. Как хочется, чтобы он спал рядом, большой, теплый... Они оба любили лежать на животе, согнув ногу,

и Кирилл шутил, что если инопланетяне из космоса смотрят, как они спят, то, наверное, думают, что Ирина отвешивает ему пинок. Или, как вариант, что они исполняют танец маленьких лебедей. Ничего, скоро муж вернется из санатория, а ей будет на животе уже не поспать. Время летит быстро, оглянуться не успеют, как придется доставать с антресолей кроватку, которую они только-только туда убрали, переселив Володю на детский диванчик Егора, который получил настоящую взрослую тахту.

Ирина улыбнулась, вспомнив, как горд был сын, что теперь спит «как большой».

Может, ну ее, эту работу? Ради чего выскакивать из штанов, как выражается мама? Чтобы всю жизнь семьи не видеть и сразу умереть, когда тебя выкинут на пенсию? Для мужика это достойная судьба, но от женщины нужно другое, все-таки она в первую очередь жена и мать. Должна заботиться о своей семье и не просто кормить-обстирывать, а поддерживать, помогать справляться с трудностями. Знать, что их тревожит, к чему они стремятся, подсказывать, как лучше всего добиться своей цели, подбадривать, давать советы, а иногда и выручать. Все это требует много времени и сосредоточенности, а у вымотанной на работе мамы хватает сил только на то, чтобы стыдить и виноватить своих домочадцев.

Ирина тяжело вздохнула. Мысли верные, только вот не хватит у нее сил добровольно отказаться от повышения! Если бы председатель сам передумал, она бы, наверное, сильно расстраиваться не стала, но когда тебе буквально с поклоном преподносят то, что другие люди выгрызают у судьбы годами интриг... Нет, искушение слишком велико!

Придется учиться выносить смертный приговор и вникать в дело.

...Вся эта многолетняя предварительная возня проходила на глазах у Ирины. Она участвовала в поисках Василисы, в кулуарах заступалась за доставшего всех жалобщика Москаленко, провожала в последний путь Семенову, слушая сетования ее коллег, что если бы начальство к ней прислушивалось и больше уважало, то Альбина Александровна до сих пор бы работала и была жива-здоровая. Посмеивалась и над курьезным парадоксом, что официально существование серийного убийцы признали не благодаря трудолюбию и проницательности, а только лишь из-за фантастической лени и наглости

следователя. Возмущалась инертностью руководства, отрицающего реальность в угоду показателям.

А потом как-то у нее стало меньше времени на досужие разговоры с коллегами. Председатель стал расписывать сложные дела, требующие максимальной концентрации, а домашних забот тоже никто не отменял. В обед Ирина бегала по магазинам за продуктами, а рабочее время использовала максимально интенсивно, чтобы не засиживаться в суде ни одной лишней минуты. Распивать чай или торчать в курилке было некогда, поэтому подробности поимки маньяка остались ей неизвестны, знала только, что взяли его благодаря какой-то случайности. Как, впрочем, и всех известных ей серийных убийц.

«Так что, может, и хорошо, что маньяка восемь лет игнорировали, – подумала она, засыпая. – Ведь действительно, будь ты хоть семи пядей во лбу, как ты вычислишь убийцу, которого не связывает с жертвой абсолютно ничего? Только случайно, когда он потеряет осторожность, а если он умный и хитрый, то происходит это очень нескоро. А если маньяк официально признан, то надо как можно скорее рапортовать наверх о его поимке, и кто знает, сколько невинных людей посадили бы или даже расстреляли прежде, чем задержали настоящего убийцу...»

* * *

Драма моей жизни состоит в том, что я родилась умной и способной, а хотела выйти замуж. Даже не знаю, родилась я с этой мыслью или она пришла в мою голову позже, в сознательном возрасте, но, сколько себя помню, всегда знала, что ничего не имеет значения, если ты не замужем.

Остаться одной – нет, эта участь хуже смерти. Намного хуже. Откуда взялись эти мысли? Да, черт возьми, мы все так считали. В стране, где песню про десять девчонок и девять ребят можно смело назначать вторым гимном, трудно было думать иначе.

Пятерки в дневнике, похвалы учителей, победы в олимпиадах – все это воспринималось дома как само собой разумеющееся. Что ты там получила за контрольную, какая разница, главное для девочки – это уметь чисто вымыть пол, приготовить еду и сделать прочую домашнюю работу. «Будешь разводишь, оставялять, никто замуж не возьмет!» – восклицала в ужасе бабушка, а мне еще

предстояло узнать, что замуж и разводы идут по жизни рука об руку.

Вообще было очень много хозяйственных недостатков, из-за которых девочка не котировалась на рынке невест, и я старательно от них избавлялась. Училась мыть полы и окна, печь пироги, шить и штопать, а также выглядеть прилично и аккуратно. Иногда бабушка, принимая работу, говорила «Дай бог тебе хорошего мужа», намекая, что не все потеряно даже для такой неумехи, как я.

Школьные успехи, спортивные рекорды, таланты в рисовании и прочих искусствах – все это было для сыновей, для мальчиков. Восемь из десяти дочек, хвастаясь родителям отличными оценками или успехами своего пионерского звена, слышали в ответ «лучше бы по дому больше помогала». Остальные две числились в классе белоручками, а учительницы строили самые пессимистические предположения на тему «что из них только вырастет, если матери совсем не приучают их к труду».

Если заходила речь о какой-нибудь известной женщине, достаточно было припечатать «старая дева» или «разведенка», чтобы спустить в унитаз все ее достижения. Стань первой в мире женщиной-летчиком или премьер-министром, открой радий, изобрети лекарство от рака – если ты не сумела создать семью, все твои успехи не стоят выеденного яйца. Не вышла замуж и не родила – зря прожила жизнь, так и знай.

Не могу сравнивать, но порой мне кажется, что новобранцы испытывают меньший ужас перед первым боем, чем девушки, когда думают, что никто не женится на них. Ведь в бою ты просто можешь умереть, и все, а оставшись одной, будешь влачить жалкое существование человека третьего сорта. Все будут презирать тебя, даже жены конченных алкоголиков. Даже те, кто сами называют своего мужа тряпкой и ничтожеством. Они хотя бы гордо несут по жизни свой крест-тряпку, а ты что?

Самое смешное, что все мы довольно рано перестаем верить в сказочное «долго и счастливо». Дымка волшебных миров рассеивается вместе с детством, и мы вступаем в серое и пасмурное поле жизни, где нас ждут безрадостные идеалы возможного бытия.

Это или честная мать семейства, тянущая на себе работу и быт, до крайности вымотанная, но гордая собой, а если к тяжелой ноше добавляется еще

алкоголизм мужа, то гордая вдвойне. Или можно выйти замуж как бы удачно, за начальника, военного или партийного деятеля, но тогда придется терпеть бесконечных любовниц и знать, что он не разводится с тобой только потому, что это повредит его карьере. В общем, счастье и любовь бывают только в сказках, а жизнь – преодоление и беспросветный быт. Так же и радость от своего труда следует отнести в область сказок и коммунистических лозунгов, а в жизни ты пашешь неизвестно зачем и непонятно для кого, получаешь копейки, поэтому тяни, конечно, свою лямку, но не забывай, что приличная женщина работает настолько плохо, насколько это возможно.

Парням общество диктует свои образы будущего. Чем больше мы стремимся замуж, тем больше они опасаются жениться, понимая, что благодаря этому ответственному шагу получают не прекрасную подругу жизни, а еще одну строгую маму, которая будет отбирать зарплату и запрещать играть с пацанами в гараже.

В молодости мы все это уже понимаем, но еще надеемся, что серая хмарь – это не вся жизнь, а только лишь остров обреченных, откуда мы сумеем вырваться в райские сады.

Бежим за мечтой, но рано или поздно падаем на землю. Успокаиваемся, оглядываемся и начинаем обустриваться там, где споткнулись, ведь реальные сытость и спокойствие – неплохая, черт возьми, замена воображаемому счастью. И я была к этому готова, только мне не повезло чуть больше, чем другим. Выпав из своего воздушного замка, я провалилась прямиком в ад.

* * *

Наскоро выпив чаю в обеденный перерыв, Ирина постучалась к судье Дубову. Анатолий Иванович принимал пищу, как он сам называл это без малейшей иронии, но радушно пригласил коллегу войти.

– А, Ирина Андреевна, пожалуйста, присаживайтесь, – вежливый Дубов встал и подставил для нее стул к журнальному столику, где имел обыкновение питаться, – хотите котлетку?

Ирина села, опустила взгляд на столешницу, где на льняной салфетке были аккуратно расставлены майонезные баночки с дубовским обедом – утренним даром заботливой супруги. Не успела Ирина подумать, что любой нормальный человек, если бы носил обед с собой, ел бы прямо из банки, как Анатолий Иванович поставил перед ней такую же тарелку, из которой подкреплялся сам, положил котлету и немного салата из огурцов.

Пришлось взяться за вилку.

Поблагодарив Дубова за угощение, Ирина хотела перейти к сути, но Анатолий Иванович ее остановил:

– Кушайте, кушайте. Когда я ем, я глух и нем.

Ирина покорно ела безусловно полезную и питательную, но не слишком вкусную котлету и думала, что мало найдется на свете людей, которым так подходит их фамилия, как судье Дубову.

Квадратная голова на мощной шее напоминала чурбачок, на котором кто-то ради шутки вырубил топориком нос, рот и небольшие глазки, да и весь он был такой, крепко сколоченный. Одевался Анатолий Иванович тоже с какой-то деревянной добротностью. Всегда облачен в костюм цвета мокрого асфальта, в отглаженной сорочке и неярком галстуке, ботинки начищены до блеска. Лишь изредка, когда у него не было заседаний, Дубов позволял себе надеть под пиджак водолазку и в эти дни чувствовал себя, наверное, очень дерзким и раскованным парнем. Среди коллег Дубов считался хорошим профессионалом, но ограниченным человеком, а говоря без экивоков, занудой. Казалось, он, привыкнув руководствоваться законом, обо всем остальном тоже перестал составлять собственное суждение, принимая общепринятое мнение как данность, и настолько в этом преуспел, что, когда его на волне антиалкогольной кампании избрали председателем общества трезвости, действительно бросил пить. Точнее, как он сам выразился, «ограничил прием алкоголя до минимума, делая исключение только для таких глубоко укоренившихся традиций, как свадьбы и похороны».

На любой случай жизни у Дубова была заготовлена какая-нибудь банальность, он всегда знал, как правильно поступать, и, что самое удивительное, поступал, порой даже во вред себе, а не только поучал других.

Анатолий Иванович принимал жизнь так же, как принимал пищу – спокойно, размеренно, рационально и с благодарностью, и это, наверное, избавляло его от многих душевных мук.

Наконец Дубов убрал посуду, категорически отклонив попытки Ирины ее помыть, заварил чай и ободряюще улыбнулся:

– Павел Михайлович поручил мне взять над вами шефство, и я с большим удовольствием сделаю это, хотя ума не приложу, чем могу быть вам полезен.

– Ну как же... – стушеввалась Ирина, – у вас такой опыт.

– Опыт да, есть, не стану скромничать. Но в плане профессионализма вы ни в чем мне не уступаете, а что до душевных всяких мук и угрызений совести, то я никогда их не испытывал.

– Никогда?

Дубов отрицательно покачал головой:

– Никогда! И вы тоже не будете, когда сядете в реальный процесс. В теории можно вообразить себе что угодно, а когда начинается настоящая работа, восприятие меняется, и многое из того, что пугало, отходит на второй план. Поверьте, не так страшен черт, как его малюют.

– Это да...

– Вы не ошибетесь, если все делаете правильно. Тщательно изучите все доказательства, взвесьте за и против, выносите приговор, только когда не осталось ни малейших сомнений, и вы будете спать совершенно спокойно. Помните, что вы являетесь орудием выражения воли государства, причем не единственным орудием, а всего лишь частью стройной и надежной системы.

Ирина кашлянула, зная, что, если Дубова не остановить, он так и будет сыпать общими фразами.

– Если можно, я бы хотела обсудить ваш последний процесс.

– Конечно, Ирина Андреевна, с удовольствием.

– Только дело, наверное, находится в работе в вышестоящих инстанциях...

Дубов хитро улыбнулся:

– А оно нам и не потребуется. Изучая дело перед процессом, я для удобства всегда составляю себе небольшой конспект, где фиксирую основную фабулу, формулирую для себя наиболее важные вопросы и отмечаю сомнительные места. А вы разве так не делаете?

Ирина потупилась.

– Горячо рекомендую вам взять себе такую привычку. Очень облегчает труд. Кроме того, по ходу процесса я все основные моменты рассматриваемых дел ежедневно заношу в блокнотик.

– А это еще зачем? – изумленно выпалила Ирина. – Протокол же ведется.

– Выйдя на пенсию, я планирую заняться сочинением детективных романов, – слегка смутившись, признался Дубов.

Предположив про себя, что это будут самые скучные на свете книги, Ирина пожелала ему творческих успехов.

Анатолий Иванович достал из ящика стола пухлый черный ежедневник и тонкую стопочку листков писчей бумаги, вложенную в пластиковую папку со схематичным изображением Петропавловской крепости.

– Пожалуйста, изучайте. Конечно, мои записи субъективны и не дадут вам непосредственности восприятия, но, насколько я понял, вам интересен именно ход моих мыслей, а фактуру дела вы под сомнение ставить не собираетесь?

– Конечно нет, но это ведь личные заметки...

– Ничего страшного, если для пользы дела. Ознакомьтесь на выходных, а потом обсудим те моменты, которые вызовут у вас сомнения. Вот, извольте, – быстро пролистав ежедневник, Анатолий Иванович вложил папку между нужных страниц, – делаю для вас закладочку, чтобы вы сразу видели, откуда начинать.

Приоткрыв обложку, Ирина заметила, что почерк у Дубова четкий и разборчивый, а сокращения понятны. Она немного еще поотнекивалась для приличия, мол, неудобно совать нос в личные дневники и «не дай бог, потеряю», но Анатолий Иванович все же всучил ей свой блокнот.

В субботу с самого утра зарядил дождь, чему Ирина нельзя сказать чтобы сильно огорчилась. В присутствии мамы она всегда старалась чем-то себя занять или хотя бы изобразить бурную деятельность, чтобы не получить «лентяйку», «неряху» и «грязища кругом, а она ручки сложила». Но сегодня все домашние дела она переделала до обеда, а на садовые работы имелась индульгенция в виде дождя, так что смело можно почитать дубовские записки, пока Володя отбывает свой дневной сон.

Во время дождя Ирина любила сидеть на веранде, смотреть, как прихотливо стекающая по решетчатым окнам вода размывает пейзаж, превращая яблони в изумрудно-зеленые пятна на графитово-грозовом небесном фоне, любила наблюдать, как вода шумит, обрушиваясь по желобу в противопожарную бочку, как барабанят по крыше крупные сильные капли... И как вдруг на небе осторожно проглядывает краешек солнца – и моргнуть не успеваешь, как становится совсем светло. И все затихает, только листья дрожат, шепотом сбрасывая с себя последние капли...

В этот раз небо так почернело, что пришлось включить настольную лампу.

Осторожно приоткрыв дверь, Ирина выглянула на улицу. Ни малейшего просвета, насколько хватает глаз. Хоть бы до завтрашнего вечера распогодилось, а то она-то под дождем до станции добежит, не развалится, а вот записки Анатолия Ивановича могут пострадать. Будет очень нехорошо, если влага их испортит, а здесь оставлять тоже опасно. За Гортензию Андреевну и Егора можно не волноваться, но Володя или мама обязательно сунут нос и что-нибудь испортят. Мама вообще может на растопку пустить, а что, «валяются какие-то листочки, откуда я могла знать, что они тебе нужны. Ты же ничего не

рассказываешь, ничем не делишься!». И бесполезно напоминать, что ты пять раз просила не заглядывать именно в этот ящик, потому что там лежат важные бумаги. Ответом будут возведенные к небу глаза и тяжелый вздох: «Ты, наверное, что-то перепутала, ни о чем таком ты мне не говорила». А станешь настаивать, в ход пойдет бронебойный аргумент: «Откуда в тебе столько злобы? На куски готова мать порвать ради каких-то дурацких бумажек!»

Ирина вздохнула. Конечно, она преувеличивает опасность, но что поделаешь, если стоит ей провести рядом с мамой больше двух часов, как возвращается детское ощущение постоянной тревоги, страха, будто сидишь на пороховой бочке и не знаешь, от какого твоего движения она рванет.

За годы раздельного житья это чувство поутихло, но теперь, когда приходится проводить выходные вместе, воскресло в памяти с неожиданной ясностью.

Сердце тоскливо сжималось точно так же, как четверть века назад по вечерам, когда они с сестрой слышали звук поворачивающегося в замке ключа и мечтали, хоть бы это была еще не мама. Хоть бы папа или бабушка, хоть бы на полчаса еще отсрочить бурю, повод для которой никогда нельзя было предугадать. Тарелка, вымытая не до зеркального блеска, пылинки на полу, или просто маме казалось, что дочь поздоровалась с ней недостаточно вежливо. Во всяком случае, не существовало таких условий, соблюдая которые можно было точно знать, что тебе не попадет. Всегда надо было быть начеку, каждую секунду, ибо мама не только взяла на вооружение принцип американского правосудия «все, что вы скажете, будет использовано против вас», но и значительно его усовершенствовала до степени «все, что вы подумаете, будет использовано против вас, даже если вы этого и не думали, потому что я лучше знаю». Больше того, в совершенстве овладев искусством телепатии, мама требовала того же и от домочадцев. «Сама должна догадаться!» – эта суровая фраза долго еще преследовала Ирину после того, как она покинула отчий дом.

Опасность, впрочем, таилась не только в скандалах. Мама могла залезть в их с сестрой личные вещи, а потом весело растрезвонить всей родне о своих находках. Что они пишут стихи, а в ящиках с трусами полный бардак, все это становилось достоянием общественности. Если они с сестрой просили маму не рассказывать какой-нибудь смешной, но неловкий эпизод из раннего детства, она обещала молчать, но можно было делать ставки, что на всех семейных сборищах муссироваться будет именно он. И если бы дело касалось только родственников, еще полбеды, но так же бесцеремонно мама вмешивалась во все

аспекты жизни дочерей. Вся школьная жизнь прошла у Ирины в страхе, что мама явится на урок и сообщит учителям и одноклассникам, какая она на самом деле истеричка, лентяйка и неряха, потому что мама грозилась сделать это как минимум раз в неделю. Однажды лучшая подруга Ирины получила двойку по русскому. Ирина вызвалась, как тогда говорили, «взять ее на буксир», а раз учительница обещала, что при хорошо написанной контрольной эта промежуточная двойка никак не повлияет на оценку в четверти, девочки решили побережь нервную систему родителей и понапрасну их не огорчать.

Занимались у Ирины дома, и, когда мама удивилась, отчего дочь повторяет тему, которую отлично знает, пришлось рассказать ей правду, предварительно взяв клятву, что мама ничего никому не расскажет. Клятву мама дала, но немедленно ее нарушила, позвонила подружкиной маме и рассказала про двойку. Естественно, сделала она это только и исключительно для пользы девочек. Пусть зарубят себе на носу, что от родителей ничего нельзя скрывать. Ну а что Ирина осталась без лучшей подруги и так всю школу и проходила в одиночестве, так разве это важно в сравнении с полученным уроком...

Ирина честно пыталась все это забыть, и забыла, и даже убедила себя, что ничего не было, а если и было, то взаправду ради ее пользы, и вообще она взрослая женщина, которой стыдно пережевывать детские обиды, но стоило оказаться с мамой под одной крышей, как вся эта муть стала всплывать со дна души, как винный осадок.

Главным, что не давало отпустить ситуацию, было то, что теперь, в своей семье, Ирина знает, как бывает иначе, знает, что хорошо воспитывать детей можно, не только становясь для них источником повышенной опасности... Но обижайся или прощай, а прошлого не изменишь. Надо жить с тем, что есть.

Она устроилась на диване, поджав под себя ноги, и открыла конспект Дубова, ожидая увидеть там полную неразбериху, но Анатолий Иванович писал, тщательно формулируя фразы, хоть и полагал, что, кроме него, эти записи никто не увидит. «Вот как вообще это можно, стараться лично для себя, – хмыкнула Ирина, – готовить себе, прибираться... С удовольствием вести дневник... Самому уважать себя, а не выпрашивать одобрение окружающих... Нет, не постичь мне этой тайны!»

К ее удивлению, занудный Дубов писал не только разборчиво, но и увлекательно, как знать, может, его в будущем и правда ждал успех на

литературном поприще.

Итак, объединение дел поначалу не принесло плодов, впрочем, другого и не ждали. Убийство вообще трудно расследовать, а когда нет трупа, считай, что ты вообще не располагаешь информацией. Ты даже доподлинно не знаешь, мертва ли жертва. Оставалось ждать нового нападения или обнаружения тел.

Когда нет реальных результатов, надо создать видимость работы. Следователь добросовестно составил таблицу со множеством параметров, вплоть до среднего балла аттестата девушек, и не нашел ни одного совпадения. Проработал контингент с сексуальными отклонениями, снова глухо, но тут следователь особо и не надеялся на удачу, выдвинув вполне резонное предположение, что преступник – автолюбитель, ибо не на троллейбусе же он отвозит трупы в укромные места. А раз автолюбитель, значит, на учете в психиатрическом диспансере точно не состоит.

Когда в воздухе запахло перестройкой и новым мышлением, следователь решил действовать дерзко, современно и по мировым стандартам, а именно обратился к доценту кафедры психиатрии мединститута Евгению Степановичу Петровскому, имеющему огромный опыт в проведении судебно-психиатрических экспертиз, чтобы тот составил примерную характеристику личности преступника. Петровскому, видимо, тоже слегка продуло голову ветром перемен, потому что он не стал возмущаться антинаучным подходом, а сел и набросал что-то похожее на психологический портрет. По мнению психиатра, маньяк был приличным несудимым мужчиной средних лет, с хорошим образованием, не ниже среднего специального, на службе скорее всего характеризовался как исполнительный и надежный, но безынициативный работник, пользовался репутацией примерного семьянина и убежденного трезвенника, находился в хороших отношениях с окружающими, но близких друзей не имел и считался серым и скучным человеком. То есть, заключил Петровский, представлял собой среднестатистического обывателя.

«Короче говоря, не муж, а мечта, – усмехнулась Ирина, – и врет ваша статистика! Не знаю, как правоохранительным органам, а одинокой женщине найти такого мужичка не так-то просто. Среднестатистический обыватель или пьет как не в себя, или прогуливает работу, шляется по бабам или вообще пишет запрещенные стихи, а бывает, что и все вместе. Если подумать, из всех известных мне мужчин под описание маньяка подходит один только Дубов. Впрочем, Петровский у нас небожитель, про среднестатистического обывателя

знает только из монографий».

С легким неудовольствием Ирина вспомнила, как Петровский, в сущности, проигнорировал ее, когда Павел Михайлович познакомил их на научно-практической конференции, посвященной вопросам вменяемости. Председатель только начал расписывать, какая она хорошая, как Петровский быстро кивнул, сказал «Да, да, очень приятно познакомиться» и отчалил. Как бы и не нахамил, но показал, кто тут светский лев, а кто мелкая сошка.

Такое высокомерие объяснялось тем, что Евгений Степанович в свое время крайне удачно женился. Супруга его приходилась внучкой знаменитому старому большевику, причем не единственной. Потомки великого сановника делали великие карьеры, так что у Петровского везде были свои люди, а второй секретарь обкома Зубков приходился его жене двоюродным братом, и, по слухам, их связывали не только родственные узы, но и крепкая дружба.

Петровский и без всякого блата был великолепным специалистом в судебной психиатрии, но поддержка сильных мира сего позволяла ему свободно высказывать дерзкие гипотезы про маньяков и рисовать их психологические портреты, не рискуя получить по голове от руководства.

– Зачем ты свет включила, комары же налетят! – услышала Ирина мамин голос и очнулась от раздумий.

– Не долетят, Мария Васильевна, – Гортензия Андреевна появилась на пороге с вязаньем в руках, – какие полеты, когда вода с неба льется.

– Потом не жалуйтесь, если всю ночь не уснете.

– Да что жаловаться, – Гортензия Андреевна вздохнула, – бессонница дело наше, стариковское.

Она села в кресло с другой стороны от лампы и заработала спицами.

– Что это у вас? – спросила мама.

- На всякий случай вяжу шапочку на девочку, хотя мне кажется, что снова будет мальчик.

- Нет, девочка будет! Я так внучку хочу!

- Говорят, что девочки забирают у матери красоту, а в нашем случае этого не происходит, как вы легко можете убедиться, взглянув на Ирочку.

- Не думала, что вы верите в приметы, - процедила мама.

- Они не перестают сбываться оттого, что я в них не верю.

- А ты, Ира, что думаешь?

- Не знаю, - беспечно откликнулась Ирина. - Кто будет, тот и будет. Тот и хорошо.

- И все-таки девочка бы... К матери ближе, - сказала мама.

«Ну да, ну да», - Ирина потупилась, пряча усмешку.

- Ничего, если даже теперь и мальчик, почему бы еще раз за девочкой не сходить? - Гортензия Андреевна подмигнула маме. - Почему не рожать, когда такая дружная семья, где все друг другу помогают?

- Вам легко теоретизировать, - огрызнулась мама.

- Это да, Мария Васильевна, это да...

Ирина не уставала изумляться спокойствию, с каким Гортензия Андреевна отражала все мамины атаки. Ядовитые стрелы падали к ее ногам, не причиняя ни малейшего вреда, и даже как будто рикошетили... А весь секрет в том, чтобы не спорить и не отвечать колкостью на колкость. Но, наверное, подобную стойкость духа можно приобрести только через полвека педагогической деятельности, не раньше.

– Ах, как жаль, что теперь совсем не носят шляпки, – Гортензия Андреевна на вытянутой руке разглядывала только что связанный сложный узор, – только малышам доступна роскошь рюшек и оборочек, а между тем интересная шляпка прибавляет красоты и взрослой женщине. Я еще помню времена, когда шляпки были в моде, даже у меня на антресолях есть несколько штук. Это, доложу вам, настоящие произведения искусства, но, увы, время их безвозвратно прошло. Разве что пойдут на новогодние костюмы для нашей будущей девочки. Даже летом мало кто отваживается надеть красивую соломенную шляпку, чтобы не показаться сумасшедшей, а зимой носят эти ужасные меховые тазы... Так жаль, так жаль... У вас, Мария Васильевна, идеальная форма головы, вам бы пошла любая шляпа.

– И форма соответствует содержанию, – улыбнулась Ирина.

– Безусловно.

– Ой, бросьте вы! – мама сделала вид, будто смутилась. – Я с юности как привыкла к беретам, так до сих пор ношу, только в последнее время трудно достать такой, как надо. Или безвкусица с цветочками, или несуразные шляпаки, лежит на прилавках всякая гадость, а днем с огнем не сыщешь нормального классического берета!

– Я вам свяжу, Мария Васильевна.

– Ну что вы, не затрудняйтесь.

– Свяжу-свяжу. Без малейшего цветочка.

Ирина с тоской покосилась на записи Дубова, прикидывая, под каким предлогом удалиться в свою комнату, ибо здесь ей поработать не дадут. Впрочем, наверху тоже никаких гарантий, да и вообще, скоро проснется Володя, и Егор изнывает от скуки, что из-за дождя не может пойти гонять с друзьями, надо чем-то его занять. Похоже, только в электричке она выяснит, как вычислили и осудили Иннокентия Кольцова, врача-убийцу не совсем в том смысле, который принято вкладывать в это слово.

– Что это, Ирина? – вдруг спросила мама за спиной, и сердце привычно сжалось в ожидании нагоняя.

Но, обернувшись, Ирина увидела, что мама держит в руках шахматную доску, и немного отлегло.

- Шахматы.

- Я вижу, что не карты, - мама потрясла доской, прислушиваясь, как внутри грохочут фигуры, - и такие дорогие, надо же... Я не знала, что Кирилл играет.

- Это ему от отца досталось.

- А сам?

- Мам, какой из него шахматист, он же гуманитарий! Знает только, что «всех главнее королева, ходит взад-вперед и вправо-влево». Даже не смог Егору показать, как играть.

- А он просил?

- Еще как! Вроде бы Кирилл договорился с соседями, чтобы научили Егора, но, видишь, уехал в санаторий, а мне неудобно напоминать. Я с ними не очень как-то...

Мама приосанилась:

- И вовсе незачем никого просить, когда я сама прекрасно могу научить своего внука.

- Ты? Вы? - хором спросили Гортензия Андреевна с Ириной.

- А что вас, собственно, удивляет? В наше время, знаете ли, к развитию детей подходили серьезно, и шахматный кружок был буквально в каждой подворотне.

- Но ты никогда не рассказывала...

- А ты интересовалась? Для тебя мать всегда была принеси-подай! Егорушка, иди сюда, мой дорогой, сейчас бабушка научит тебя играть в шахматы.

Сын пулей прилетел на зов, а Ирина собрала свои бумаги и поднялась в спальню, чтобы не мешать. Чем меньше присутствует на уроке посторонних, тем лучше усваивается материал.

Надо же... Шахматы всегда представлялись ей чем-то заоблачным, к чему даже и подступаться было невозможно, а теперь оказывается, что в них умеет играть родная мама, которую Ирина любила, но всегда считала весьма недалекой женщиной. Уж точно глупее себя самой.

С другой стороны, ей ли удивляться, что жизнь вечно не то, чем кажется на первый взгляд хотя бы потому, что вторых взглядов просто не бывает. Неподвижны только камни, а живое все меняется, и сегодня ты смотришь уже не на то, что было вчера...

Володя спал, сосредоточенно сдвинув бровки, Ирина поправила ему одеяло и, устроившись в старом кресле, продавленном, со стопкой книг вместо одной ножки и торчащими нитками обивки, но таком удобном, что выбросить его не поднималась рука, вернулась к записям Дубова.

Итак, был составлен психологический портрет, то есть дело пополнилось еще одной бесполезной бумажкой и, возможно, снова забуксовало бы на годы, но вскоре в городе произошла новая трагедия. Пропала десятиклассница Лариса Федосеева. Ее отец был капитаном дальнего плавания, часто ходил в заграничку, соответственно, Федосеева могла не сильно волноваться о будущем, с таким папой хороший аттестат и поступление были ей гарантированы, но, несмотря на материальное изобилие и уверенность в завтрашнем дне, Лариса оставалась скромной, доброй и прилежной девушкой. Она по-настоящему мечтала стать врачом, занималась на подготовительных курсах, не увлекалась гулянками и не связывалась с дурными компаниями. Симпатичная девушка, что называется, дружила с одноклассником, который в момент ее исчезновения находился на спортивных сборах в Алма-Ате. Возникла надежда, что Лариса, всегда имевшая в кошельке приличную сумму, решила навестить его, сделав сюрприз, но быстро рассеялась. Девушка в спорткомплексе не появлялась.

На свою беду, Федосеева не только внешне была похожа на предыдущих жертв, но и одеваться предпочитала в том же стиле. Джинсы, кроссовки, ветровка...

К сожалению, далеко не всегда маньяков привлекает вызывающий вид и короткие юбки.

В день исчезновения Лариса после школы зашла домой, пообедала с мамой, сидевшей в декрете с младшим сыном, и отправилась на подготовительные курсы, где ее уже никто не видел. Уходила из дому в превосходном настроении, так как накануне решила сложную задачу по химии и ей не терпелось показать ее преподавателю.

Конечно, дети часто прогуливают учебу, отправляясь вместо курсов в кино или гулять с теми приятелями, с которыми родители запрещают им дружить, но Лариса серьезно относилась к своим занятиям, и с мамой у нее были доверительные отношения.

Через два дня в милицию обратилась продавщица из молочного магазина возле дома Федосеевых. Она хорошо знала девочку, свою постоянную покупательницу, в лицо и когда, выйдя на работу, услышала, как бабушки в очереди обсуждают исчезновение «дочки капитана», вспомнила, что на прошлой смене, перекуривая на крылечке, видела, как Лариса ловит машину, что она, впрочем, делала достаточно часто. В этот раз остановились старые «жигули»-«копейка» с красным крестом на заднем стекле. Продавщица уверенно назвала цвет машины, песочный, и даже вспомнила, что в номере было две шестерки, то есть на одну меньше, чем в знаке сатаны. Для сыщиков эти показания оказались настоящим подарком судьбы. Искомая машина была найдена меньше чем за сутки, владелицей числилась Жанна Александровна Кольцова, а ездил муж, Иннокентий Михайлович Кольцов, участковый врач районной поликлиники. И муж, и жена были кристально чисты перед законом, никаких темных пятен в биографии не имели. На всякий случай за Кольцовым пустили наружное наблюдение, но ничего плохого подозреваемый не совершал, кроме того что вусмерть измотал сотрудников милиции беготней по вызовам, а вечерами заставлял их тратить казенный бензин, пока занимался частным извозом.

Выждав несколько дней, его пригласили на беседу в отделение милиции. Кольцов явился в назначенное время, вел себя спокойно, правда, сначала валял дурака, мол, столько хлопот, что все дни сливаются в один, отнекивался, как мог, но это запирательство вполне объяснимо, ибо частный извоз – не то занятие, о котором ты с гордостью расскажешь сотруднику милиции.

Узнав о пропаже Федосеевой, Кольцов тут же сообщил, что действительно на днях подвозил с проспекта Народного Ополчения до мединститута какую-то девушку. В дороге они мило поболтали, он вспомнил о прекрасных годах учебы, обрисовал нынешнее положение своих дел, не жалея черной краски, и посоветовал девочке сразу выучиться на узкого специалиста. Работа в любом случае тяжелая, но хоть не придется вникать в перипетии судеб подотчетных бабок. Лариса призналась, что мечтает стать ЛОР-врачом и работать обязательно в стационаре, Кольцов пожелал ей удачи, на том и расстались возле входа на территорию мединститута с набережной. Подъезд, мягко говоря, не парадный, но Лариса сказала, что так ей ближе до аудитории, а ему было удобнее развернуться, поэтому к главному зданию он не поехал. Высадил Ларису и отправился бомбить дальше.

Что ж, звучало складно. Родители подтвердили, что Лариса и правда хотела стать ЛОРОм, значит, они с Кольцовым действительно мирно общались хотя бы какое-то время.

Вход на территорию со стороны набережной – действительно глухое место, там нет ни пропускного пункта, ни вахтера, до дверей в ближайшую клинику метров семьдесят. На другой стороне улицы трамвайная остановка, но она тоже расположена не ровно напротив. Спрашивать всех подряд, не видел ли кто неделю назад машину с красным крестом? Ну так извините, медицинский институт, тут все машины такие. Глаз не зацепится.

Кольцов любезно позволил осмотреть свой автомобиль. На подголовнике пассажирского сиденья обнаружился длинный темный женский волос, но он ведь и не отрицал, что Федосеева ездила в его машине, а больше ничего подозрительного не нашлось, кроме огромной аптечки, укомплектованной на все случаи жизни, даже с проволочной шиной Крамера, явно похищенной с работы или самим Иннокентием Михайловичем, или его верной супругой.

Неловко задерживать человека на основании таких хлипких улик, поэтому Кольцова отпустили и взяли в плотную работу медицинский институт. Опрашивали преподавателей, студентов и даже пациентов, обшарили все подвалы и подсобки, пустили собаку... Ничего. Ни тела, ни одного даже самого косвенного свидетельства, что Лариса в день своего исчезновения доехала до института.

Тогда следователь вдруг сообразил, что Кольцов просто идеально подходит под психологический портрет маньяка, созданный Петровским. Совпадение буквально по каждому пункту. Приличный несудимый мужчина средних лет – да, трезвенник – да, с хорошим образованием, исполнительный, но вялый и безынициативный работник – да, да и еще раз да. И тут не надо даже идти к главврачу за производственной характеристикой. Если мужчина до сорока лет проторчал в участковых докторах, не поднявшись хотя бы до заведующего отделением, значит, он действительно не лучится умом и трудовым энтузиазмом. Кольцов, безусловно, являлся и примерным семьянином. Женился сразу после окончания института, и за двенадцать лет брак не распался, несмотря на отсутствие детей и на гораздо более внушительные профессиональные успехи супруги. Пока Кольцов пользовал старушек, Жанна Александровна доросла до должности начмеда крупной городской больницы. Когда жена настолько успешнее мужа, в семье неизбежно возникают ссоры. Тут и ущемленное достоинство самца, и банальные бытовые конфликты, когда у жены после тяжелого трудового дня просто не хватает сил варить борщи. Но друзья и знакомые утверждали, что Кольцовы жили очень дружно. Уж не потому ли, вдруг озарило следователя, что Иннокентий Михайлович сбрасывал накопившуюся злобу, убивая девушек? Правда, юные стройные жертвы были совершенно не похожи на грузноватую Жанну Александровну, но что с того? Может, он специально выбрал в жены женщину диаметрально противоположного типа внешности, чтобы ему не хотелось ее убить?

Опять-таки, у него есть личный автомобиль, что существенно облегчает охоту за девушками и сокрытие тел.

Следователь присмотрелся к кандидатуре Иннокентия Михайловича повнимательнее – и вот, эврика! Оказалось, что Кольцов работает врачом на участке, где проживает семья Василисы Барановой. Он, конечно, не педиатр и саму Василису не лечил, но к взрослым членам семьи мог приходить на дом и познакомиться с девочкой.

Следователь снова поручил «поставить ноги» за Кольцовым, и снова ничего. Скучная жизнь скучного человека. Работа – дом. Когда утренний прием и мало вызовов – несколько часов частного извоза. Оперативники надеялись взять его с поличным, но Кольцов подвозил всех подряд, а не только девушек, и никаких подозрительных движений не совершал. Что тоже объяснимо: Иннокентий Михайлович, конечно, не производил впечатления гиганта мысли, но надо быть полным идиотом или одержимым, чтобы убивать, зная, что ты попал в поле

зрения милиции.

Ирина догадывалась, почему работа с Кольцовым велась так неспешно и деликатно. Активность следователя несколько сдерживала грозная фигура Жанны Александровны. Все же начмед крупного стационара – не последний человек в городе, лучше не обижать понапрасну столь влиятельных граждан. Но с другой стороны, игнорирование такого явного подозреваемого тоже ни к чему хорошему не приведет.

Поколебавшись, следователь все-таки выписал постановление о производстве обыска в квартире Кольцовых, и смелость его была вознаграждена. В самом дальнем углу кладовки за старыми чемоданами обнаружился сверток с бюстгальтерами, явно не соответствующими статьям хозяйки.

Трудно через столько лет опознать белье фабричного пошива, но мать Марины Москаленко вспомнила, что пришивала дочери медные крючки взамен сломавшихся, и на одном лифчике действительно нашлись такие крючки. Матери других девочек сомневались, все же те были уже достаточно взрослые и сами покупали себе белье.

Кольцов затруднился объяснить происхождение странной находки, его жена тоже пребывала в изумлении. Терапевта задержали, но он долго строил из себя дурачка.

Девочку подвез и высадил живую и невредимую, а откуда лифчики – понятия не имею. И вообще, это не я должен доказывать свою невиновность, а вы – мою вину.

Следователь приуныл, потому что, кроме шести лифчиков, из которых только об одном можно было осторожно утверждать, что он принадлежал жертве преступления, у него, в сущности, ничего не было. Завтра Жанна Александровна заявит, что это ее бельишко, хранится как память о временах, когда она была юная и стройная дева, и обвинение рассыплется. Невозможно будет доказать, что это не так.

Тут на помощь пришел Петровский. Он несколько часов беседовал с задержанным, после чего Кольцов начал давать показания. Он признал свою вину в двенадцати убийствах, сообщив еще о трех девушках, которые числились

пропавшими, но не рассматривались как жертвы маньяка.

Отрицал он только свою причастность к убийству Василисы Барановой. Да, дома у них бывал, но только после исчезновения девочки, лечил мать от гипертонии, развившейся от стресса, а саму юную художницу никогда в жизни не видел, не трогал и не убивал. Наверное, Кольцов понимал, что хоть на весах закона каждая жизнь весит одинаково, все же Василиса была любимицей ленинградцев, ее смерть отозвалась в сердце каждого как личная утрата, которой ему не простят. Если по остальным эпизодам остается крохотный шанс сохранить жизнь, то за Василису ему точно назначат расстрел. А может быть, проснулась профессиональная гордость, и Кольцов не захотел, кроме всего прочего, прослыть еще и злостным нарушителем клятвы Гиппократова, утверждавшего, что в любой дом можно входить только для пользы больного. Так или иначе, но тут Иннокентий Михайлович уперся, зато по остальным эпизодам, раз начав признаваться, делал это добросовестно и обстоятельно.

Рассказал, что действительно доставил Ларису Федосееву к месту назначения, но потом убедил, что кататься на машине гораздо интереснее, чем сидеть на лекции, отвез ее в заброшенный пригородный парк, там убил, надругался над телом и спрятал в старой воронке от снаряда, забросав ветками и листьями.

Подробности Ирина решила опустить, тем более что Дубов любезно отметил, что описание Кольцовым своих действий полностью соответствовало ранам, обнаруженным на теле Ларисы. Также Кольцов точно сообщил координаты захоронения, а в дальнейшем на выезде достаточно уверенно его показал.

То же и со студенткой института физкультуры. Рассказ Кольцова о том, какие раны он ей нанес, совпал с результатами судебно-медицинской экспертизы, и место он указал именно то, где девушку нашли.

Тела Марины Москаленко и еще двух девушек были найдены в указанных Кольцовым точках, и судебно-медицинская экспертиза установила, что характер повреждений совпадает с тем, что говорил Иннокентий Михайлович.

Аккуратно убрав листочки в пластиковую папку, Ирина открыла дубовский блокнот. В заметках не содержалось ничего особо нового. Показания потерпевших, судебно-медицинская экспертиза, судебно-психиатрическая, признавшая Кольцова вменяемым, продавщица из молочного магазина... Жена

Кольцова не явилась на заседание, но правосудие решило, что и без нее прекрасно обойдется.

Нет, тут не придерешься, обвинение доказано убедительно. Конечно, без признательных показаний Иннокентия Михайловича оно никогда не собралось бы в кучку и до суда не дошло, пришлось бы еще долго следить за терапевтом, чтобы взять с поличным, выстраивать сложные оперативные комбинации. Ирина всегда относилась с некоторым подозрением к делам, где фундаментом доказательной базы являлась явка с повинной или чистосердечное, но в данном случае это хорошее, подкрепленное фактами признание, а не то что «я работал на английскую, немецкую и японскую разведку». Да, к сожалению, хоть сталинские времена давно миновали, все еще бывают случаи, когда человека побоями и угрозами заставляют взять на себя вину, но здесь это исключено. Даже если ты очень жестокий оперативник, устанешь бить, пока заставишь подследственного подтвердить то, чего ты сам не знаешь. Есть, конечно, такой печальный анекдот, как археологи нашли древнеегипетскую гробницу с мумией, затруднились ее классифицировать и пригласили советского милиционера, чтобы он применил дедуктивный метод. Милиционер зашел в гробницу, провел там час, выходит и говорит: «Рамзес четвертый, родился в таком-то году до нашей эры, правил с такого-то по такой-то». Археологи в шоке: «Как ты узнал?» – «Так он сам признался». Народный юмор не рождается в вакууме, а отражает, к сожалению, объективную реальность, данную нам в ощущениях, так что вообще никогда нельзя исключать возможность самоговора, а в современной жизни – особенно. Но здесь Кольцов убедительно подкрепил свое признание фактами, которые никому, кроме него, не были известны. Конечно, было бы гораздо лучше, если бы на телах жертв обнаружили какие-то биологические следы, по групповой принадлежности совпадающие с группой крови Кольцова, но увы... Он все-таки был медицинский работник, знал, как соблюсти стерильность и не оставить на месте преступления определенного рода улики. Да и времени прошло порядочно.

Может показаться странным, что из двенадцати наспех прихороненных трупов за столько лет обнаружили только один, но это как раз дело житейское. Кольцов рассказал, что заранее изучал пригородные лесопарки и намечал укромные уголки, которых у нас, слава богу, в избытке. Даже здесь, в большом дачном поселке, в хоженом-перехоженом домашнем лесочке, не надо долго искать подходящую траншею, расщелину, воронку от снаряда или болотце. Кинул тело, забросал ветками и листьями, и все. И не найдут, потому что искать не будут. В лес ходят за грибами и ягодами, а рыться в земле никому не надо. А если заметят вдруг что-то подозрительное, то восемь из десяти предпочтут сделать

вид, что им просто померещилось, потому что черт его знает, сообщишь в милицию и сам первым подозреваемым и окажешься. Потом, может, правда и восторжествует, но шушок пройдет, на работе начнут на тебя коситься, и в той же милиции запомнят, что живет на свете такой гражданин Иванов, который то ли сам украл, то ли у него украли, в общем, была там неприятная история. Нет, лучше мимо пройти.

...Проснулся Володя, позвал маму, Ирина подхватила его на ручки и будто очнулась от тяжелого сна, вынырнула в свою жизнь, такую радостную и теплую. И такую хрупкую... Как ни оберегай свой мирок, а есть силы, против которых не защитишься и которые не предупреждают об атаке, нападают внезапно. Но единственный способ противостоять им – это ценить каждую счастливую секунду, что отмерила тебе судьба.

– Сюсю. Пене. Тяй! – сказал Володя сурово, и Ирина повела его вниз, умываться и пить чай с сушками и печеньем, каковое занятие сын очень уважал после дневного сна.

Ирина полагала, что урок шахмат давно закончен, но мама с Егором все еще сидели за доской, а Гортензия Андреевна, закончив шапочку, уже вывязывала ей в тон крошечные пинетки.

Все были так увлечены своими делами, что не обратили на вошедших никакого внимания, и Ирина с Володей тихонько пробрались в кухню.

Посаженный в детский стул Володя увлеченно катал машинку по столешнице, печенье, купленное в лавочке на станции, уютно пахло молоком, а дождь все лил, и тучи все прибывали, раньше времени погружая дачный поселок в сумерки, и, кажется, сквозь шум закипающего чайника Ирина расслышала вдалеке раскаты грома.

В сердце вдруг воцарилось какое-то древнее первобытное чувство, будто она укрылась в пещере со своим племенем и переживает разгул стихий. Воеет ветер, бегают мамонты, а у них вход надежно укрыт камнем, горит, потрескивая, костер, и ничего плохого не может случиться. По крайней мере прямо сейчас. А что будет завтра, о том пока нечего беспокоиться.

Кінець ознакомительного фрагмента.

Купити: <https://tellnovel.com/mariya-voronova/vechnyy-shah>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)